

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА

2026

№1 (XXIX)

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

Visegrad Europe
Visegrádi Európa
Europa Wyszehradzka
Vyšehradská Európa
Visegrádská Evropa

Central European Journal
Közép-Európai folyóirat
Czasopismo Środkowoeuropejskie
Stredoeurópsky časopis
Středoevropský časopis

**ЦЕНТР ВИШЕГРАДСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ЕВРОПЫ РАН
ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЙ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Главный редактор *Любовь Шишелина*
E-mail: l.shishelina@gmail.com

Зам. главного редактора *Михаил Ведерников*
E-mail: vishma@mail.ru

Редактор-секретарь *Мария Русакова*
E-mail: mjrusakova@gmail.com

Редакционная коллегия

*Ханна Н. Главачкова (Прага),
Луциана Гоптова (Прешов),
Владислав Воротников,
Рафал Лисякевич (Краков),
Олег Михалёв (Воронеж),
Егор Сергеев,
Александр Стыкалин*

Международный редакционный совет:

*Леонид Горизонтов,
Алексей Дрыночкин, Павел Кандель,
Ежи Корнась (Краков),
Петр Кратохвил (Прага),
Юрай Марушьяк (Братислава),
Ференц Мисливец (Кёсег-Будапешт),
Аттила Пок (Будапешт),
Витольд Родкевич (Варшава),
Максим Саморуков*

Художник: *Иван Пётрович*

Системный администратор:

Елена Неклюдова

Макет и верстка: *Издательство «Проспект»*

Журнал основан в 2018 году.

*Свидетельство о государственной
регистрации № ФС77-73431*

ISSN: 2686-9756 (интернет-версия)

Периодичность – 4 номера в год.

Электронный адрес: visegradeurope.ru

E-mail: visegradeurope@gmail.com

Учредитель: Шишелина Любовь Николаевна

**VISEGRAD CENTER OF THE
RAS INSTITUTE OF EUROPE
CENTRAL EUROPEAN INSTITUTE
OF INTERNATIONAL RELATIONS**

Editor-in-Chief *Lyubov Shishelina*
E-mail: l.shishelina@gmail.com

Deputy Editor-in-Chief *Mikhail Vedernikov*
E-mail: vishma@mail.ru

Executive Assistant to the editors
Maria Rusakova
E-mail: mjrusakova@gmail.com

Editorial Board

*Hana N. Hlaváčková (Prague),
Luciána Hoptová (Prešov),
Rafał Lisiakiewicz (Krakow),
Oleg Mikhalev (Voronezh)
Egor Sergeev,
Alexander Stykalin,
Vladislav Vorotnikov*

International Advisory Board

*Leonid Gorizontov,
Alexey Drynochkin, Pavel Kandel,
Jerzy Kornas (Krakow),
Petr Kratochvil (Prague),
Juraj Marušiak (Bratislava),
Ferenc Mislivetz (Kőszeg-Budapest),
Attila Pok (Budapest),
Witold Rodkiewicz (Warsaw),
Maxim Samorukov*

Designer: *Ivan Pétrovich*

IT Administrator:

Elena Neklyudova

Layout: *«Prospect» Publishing*

Journal was founded in 2018.

*Certificate of State Registration
№ ФС 77-73431*

ISSN: 2686-9756 (online)

Periodicity: 4 issues per year.

Home page: www.visegradeurope.ru

E-mail: visegradeurope@gmail.com

Founder: Lyubov Shishelina

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

Visegrad Europe / Central European Journal
Visegrádi Európa / Közép-Európai folyóirat
Europa Wyszehradzka / Czasopismo Środkowoeuropejskie
Vyšehradská Európa / Stredoeurópsky časopis
Visegrádská Evropa / Středoevropský časopis

СОДЕРЖАНИЕ

2026 № 1 (XXIX)

- 4 К читателю**
- 5 Ласло Сарка**
Национально-государственные аргументы и «Новая Европа»: Т.Г. Масарик и основание Чехословацкого государства
- 28 Елена Серапионова**
Т.Г. Масарик и его деятельность в годы Первой мировой войны (по материалам российского МИД)
- 40 Михаил Ведерников**
Т.Г. Масарик и русские чехи
- 53 Петр Мошечков**
Проект «угнетенных народов» Т. Г. Масарика (вторая половина 1917 — начало 1918 г.)
- 70 Таира Китаева**
Эволюция образа Т.Г. Масарика в политике памяти Чехии и Словакии
- 81 Луциана Гоптова**
Образ Т.Г. Масарика в современных словацких учебниках истории
- 95 CONTENTS**
- 96 НАШИ АВТОРЫ**
- 97 ABOUT AUTHORS**

*Точка зрения авторов публикуемых материалов может не совпадать
с мнением редколлегии журнала.*

Уважаемый читатель!

Перед Вами номер «Вишеградской Европы» целиком посвященный одному центральноевропейскому политику — Томашу Гарригу Масарику. Он основан на материалах конференции, которую наш Вишеградский центр провел в стенах Института Европы РАН в 2025 г. в честь 175-летия со дня рождения выдающегося чешского мыслителя, социолога, политика, первого президента Чехословакии. Благодаря своей активной научной, общественной и политической позиции в конце XIX и первой половине XX вв. Т.Г. Масарик сумел добиться мирового признания. Помимо достижений на исследовательском поприще, он ярко проявил себя в годы Первой мировой войны как идеолог и организатор чешско-словацкого национально-освободительного движения, умелый дипломат, благодаря деятельности которого в 1918 г. на политической карте мира появилось независимое чехословацкое государство. В его фигуре как ни в ком другом воплотилось и переплетение судеб чешского и российского народов в первой трети XX в. Мы рады возможности собрать в первом номере 2026 г. доклады коллег, сделанные по случаю юбилея Т.Г. Масарика.

Открывает выпуск статья известного венгерского исследователя Чехословакии и национального вопроса в Центральной Европе, к.и.н. Ласло Сарки о политических идеях и деятельности Т.Г. Масарика, связанных с формированием проекта чехословацкого государства в годы Первой мировой войны, в которой он уделил особое внимание концепции переустройства Центральной Европы, изложенной в работе «Новая Европа: славянская точка зрения». Автор также проанализировал эволюцию взглядов Масарика от австрославистских и культурно-национальных программ конца XIX — начала XX в. к идее создания независимого национального государства чехов и словаков.

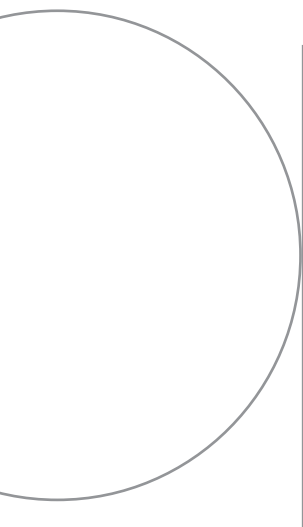
Д.и.н. Е.П. Серапионова из Института славяноведения РАН, в своей статье заострила внимание на аспектах восприятия научной и политической деятельности Т.Г. Масарика в стенах российского МИД накануне и в годы Первой мировой войны. Автор отметила, что сотрудники внешнеполитического ведомства империи Романовых оценивали Масарика двояко: с одной стороны, признавали значимость и уровень его научных работ, с другой – опасались возможного политического влияния идей чешского политика на российское общество из-за их либерального содержания, которое шло вразрез с официальной линией самодержавного государства.

К.и.н. М.В. Ведерников из Института Европы РАН, написал о формировании на территории России в годы войны политического движения русских чехов, которое впоследствии стало основой для Чешско-словацкого корпуса. К.и.н. П.В. Мошечков из Института славяноведения проанализировал проект «угнетенных народов» Т.Г. Масарика, связанный с попытками союзников восстановить боеспособность русской армии в конце 1917 — начале 1918 г. Студентка магистратуры МГИМО Т. Китаева поделилась своими наблюдениями относительно места личности первого президента страны в современной Чехии, а к.и.н. из Прешовского университета Луциана Гоптова написала как преподносится образ Т.Г. Масарика в словацких учебниках истории сегодня.

Надеемся, что Вы получите удовольствие от ознакомления с предложенными в этом выпуске материалами.

Желаем приятного чтения!

*Главный редактор журнала,
доктор исторических наук
Любовь Шишелина*

УДК 323
DOI: 10.24412/2686-9756-2026-1-5-27

Ласло Сарка

Национально-государственные аргументы и «Новая Европа»: Т.Г. Масарик и основание Чехословацкого государства

Аннотация. В статье рассматриваются политические идеи и деятельность Томаша Гаррига Масарика, связанные с формированием проекта чехословацкого государства в годы Первой мировой войны. Особое внимание уделяется концепции переустройства Центральной Европы, изложенной Масариком в работе «Новая Европа: славянская точка зрения», а также политическим и идеологическим предпосылкам чехословацкого национального движения. Анализируется эволюция взглядов Масарика от австрославистских и культурно-национальных программ конца XIX – начала XX в. к идее создания независимого национального государства чехов и словаков. Рассматриваются деятельность чехословацкой политической эмиграции в странах Антанты, дипломатические усилия ее лидеров и влияние международного контекста войны на формирование новой государственной концепции. Показано, что проект чехословацкой государственности формировался в сложном взаимодействии национальных устремлений, геополитических интересов великих держав и принципа национального самоопределения, который в процессе послевоенного переустройства Европы нередко отходил на второй план.

Ключевые слова: Томаш Гарриг Масарик, Чехословакия, Первая мировая война, национальное самоопределение, Центральная Европа, чехословацкая эмиграция, национальные движения, распад Австро-Венгерской монархии, малые нации Европы, новая политическая карта Европы.

В международной историографии, посвященной столетию «Великой войны», наряду с анализом явлений и событий, в центре которых традиционно находилась Западная Европа, заметно возрос интерес к восточноевропейской проблематике. Огромное множество конференций, сборников статей и монографий стало посвящаться истории Русского, Балканского и Итальянского фронтов и соответственно — изменившемуся в ходе войны положению народов и наций этих регионов, а также комплексу вопросов, связанных с последовательным крушением четырех династических империй — Германской, Российской, Австро-Венгерской и Османской, и последовавшими за тем революциями, гражданскими войнами и пограничными конфликтами. Таким образом, можно утверждать, что к регионам Восточно-Центральной и Юго-Восточной Европы, как к важнейшим «зонам столкновения» Антанты и Центральных держав, стал проявляться беспрецедентный в сравнении с прежним интерес (Rumpler H., Harmat U., 2015).

В данной статье рассматривается один из сценариев национально-государственного переустройства Центральной Европы в 1918–1920 гг. — проект Томаша Гаррига Масарика, опубликованный под названием «Новая Европа — Славянская Европа». Анализируются его геополитический, военный и дипломатический контекст, а также постепенное оттеснение на второй план основополагающего принципа национального самоопределения. Даже спустя сто лет после трансформации региона из имперского в систему национальных государств среди исследователей нет консенсуса в оценке этих сложных и многослойных событий. Поскольку на них влияли как глубокие исторические предпосылки, так и стремление национальных движений к созданию собственных государств (наряду с судьбоносными решениями великих держав), взаимодействие этих факторов требует тщательного и взвешенного анализа. Авторы, занимающиеся типологией национальных государств региона, в целом сходятся во мнении, что государства, возникшие на руинах многонациональных империй под лозунгом самоопределения наций «большинства» по многим параметрам отличались друг от друга (Leonhard J., 2014).

Как правило, эти национальные государства возникали как выражение устремлений наций, обладавших глубокими историческими корнями или определенной территориальной автономией. Однако в 1918 г. при создании польского, чешского, румынского и сербского государств ключевую роль сыграло псевдофедеративное объединение родственных этносов. Совершенно иной тип представляли собой Австрия, Венгрия и Турция как государства-преемники, унаследовавшие имперское прошлое. В их случае осуществился своего рода «остаточный принцип»:

бывшие доминирующие нации империй смогли сформировать «чистые» национальные государства на своих исконных землях, территория которых оказалась меньше их реального этнического ареала. На самом деле в Восточно-Центральной Европе лишь Финляндию и три балтийских государства можно считать национальными государствами, которые возникли как прямое воплощение изначальных целей национальных движений XVIII в. (Hroch M., 2018).

Из этнически неоднородных династических монархий две — Габсбургская и Османская империи — прекратили свое существование, а Российская и Германская радикально трансформировались. В Центральной Европе возникли государства-преемники, организованные по национальному принципу, а из Османской империи на ее коренной территории в Малой Азии образовалась Турецкая Республика. При этом обширные, преимущественно арабоязычные части бывшей империи были превращены в британские и французские подмандатные территории.

Учёный политик

О Томаше Гарриге Масарике (1850–1937) в годы Первой мировой войны организовавшем чехословацкую политическую эмиграцию с центрами в Париже и Лондоне, и одним из первых инициировавшем преобразование Австро-Венгерской монархии в систему национальных государств, как в оценках современников, так и в исторической памяти существует много самых разных, порой полярных мнений. При этом наблюдается консенсус в оценке того, что важную роль в его политической карьере сыграла сравнительно плодотворная общественно-научная — историко-философская, социологическая и политологическая деятельность.

Будучи преподавателем Венского, а затем Пражского университета, он приобрел известность (в том числе международную) в первую очередь благодаря своим научным трудам — чаще всего написанным по-немецки — о России XIX в., о проблемах самоубийства и антисемитизма. Эти работы принесли ему признание еще до того, как он проявил себя в имперском парламенте как депутат от Чешской реалистической партии или запомнился яркими выступлениями на заседаниях австро-венгерских делегаций. Не случайно с самого начала Масарика причисляли к плеяде «ученых политиков».

Вместе с тем следует отметить, что в своих научных трудах — за исключением, пожалуй, исторических и социологических исследований венского периода (до 1882 г.) и первых пражских лет — он всегда подходил к предмету исследования с позиций практических, политических задач. В своих аналитических работах он стремился (иногда осознанно, иногда интуитивно) отвечать на запросы чешского общества и вызовы

текущей политической ситуации. Именно поэтому некоторые чешские историки, философы — современники воспринимали работы Масарика с некоторым скепсисом.

Многим, например, его философско-исторические работы казались неприемлемыми, поскольку факты в них нередко группировались произвольно, в угоду его собственным философским и историческим концепциям. Это, в частности, касалось таких работ как «Чешский вопрос», а также его исследований, посвященных Яну Гусу, Карелу Гавличеку и Франтишеку Палацкому (Hain R., 1999: 175–182), считавшихся многими неприемлемыми. Вынося за скобки достижения критической чешской историографии, Масарик стремился найти черты преемственности чешской истории и последующего ее возрождения в ценностях гуситского движения и чешской Реформации. Будучи университетским преподавателем, политиком, депутатом имперского парламента от основанной им в 1905 г. Чешской прогрессивной партии и редактором, он непрерывно пытался совместить критико-аналитическую и просветительскую работу с оппозиционной политической деятельностью, главной целью которой считал выработку стратегий выживания и развития чешского общества. Именно поэтому его критики, опиравшиеся сугубо на академические аргументы, часто не достигали цели, пытаясь оспорить его национально-политические взгляды, которые до 1914 г. казались им довольно туманными и сложными для интерпретации Масарик, по сути, выносил за скобки достижения критической чешской историографии; он видел связующую нить чешской истории и ее преемственность в ценностях гуситского движения и чешской Реформации, а также в их последующем возрождении. Будучи университетским преподавателем, политиком, депутатом имперского парламента от основанной им в 1905 г. Чешской прогрессивной партии, он непрерывно пытался совместить критико-аналитическую и просветительскую работу с оппозиционной политической деятельностью. Ее главную цель он всё четче формулировал как выработку стратегий выживания и развития чешского общества. Именно поэтому его критики, опиравшиеся сугубо на академические аргументы, часто не достигали цели, пытаясь оспорить его национально-политические взгляды, которые до 1914 г. оставались довольно туманными и сложными для интерпретации (Opat J., 1990: 75–86; Soubigou A., 2004: 149–157; Dobossy, L., 1989: 85–146; Masaryk T. G., 1990; Szarka L., 1994: 9–27; Szarka L., 2005: 109–121).

Место малых наций в Европе и чехословацкий вопрос

Рассматривая восточноевропейское пространство «малых наций», расположенное между Россией и Германией, Масарик — под впечатлением от балканских конфликтов — уже с 1910 года считал, что для населяю-

щих этот регион народов настало время заложить основы для самостоятельного государственного существования. В поисках ответа на главный вопрос о том, каким образом целесообразнее сохранить и реализовать устремления малых наций: оружием или мирным трудом, — работа «Чешский вопрос» давала однозначный ответ, ставя во главу угла гуманизм: «Не насилием, а мирно, не мечом, а плугом, не кровью, а трудом, не смертью, а жизнью следует бороться за жизнь — таков ответ чешского гения, таков смысл нашей истории и послание наших великих предшественников» (Masaryk T.G., 1908: 126–127). В этой ранней формулировке чехословацкой государственной идеи Масарик подчеркивал приоритет созидательной работы и мирных средств. Из-за постоянного акцента на принципах гуманизма ему часто приходилось отбиваться от обвинений в излишней уступчивости, хотя и в «Чешском вопросе», и в большинстве своих важнейших историко-философских трудов он твердо отстаивал право на самооборону. «Даже самая чистая идея гуманизма не запрещает и не может запрещать оборону; именно чешская Реформация ясно и неоспоримо доказала всем, что оборона не тождественна насилию» (Masaryk T.G., 1908: 126–127).

Его национально-философские труды — от обоснования чешских австро-славянских программ до идеи восстановления независимости Чехии — во многом перекликались с исторической концепцией Палацкого. Однако в двух аспектах Масарик с ним расходился. Во-первых, чешско-немецкое сосуществование до 1914 г. никогда не казалось ему борьбой не на жизнь, а на смерть, как это трактовал Палацкий; Масарик скорее видел в этом благородное соперничество. Лишь в годы Первой мировой войны, став лидером зарубежного чехословацкого сопротивления, он — из тщательно продуманных тактических соображений — выстроил свои аргументы вокруг противостояния чешско-немецкого и славяно-германского начал. Во-вторых, самым долговечным ценностным наследием и идеалом чешской истории Масарик считал не мифическую «исконную славянскую демократию» туманной праистории, идеализированную Палацким, а идеалы гуситства (Šolle Z., 1995: 139–148).

Вместе с тем в ранних формулировках чешской национальной программы Масарика еще отсутствовали требования, основанные на историческом государственном праве (то есть идея восстановления исторического Чешского королевства). Точно так же лишь постепенно частью чешской программы независимости становились плоды чешско-словацкой взаимности, которую он активно поддерживал. Эти естественно-правовые концепции, этнически обоснованные и нацеленные на совместное чешско-словацкое сосуществование, время от времени всплывали на ранних мероприятиях движения «Чехословацкое единство» и на дискуссиях

онных площадках чешских словакистских инициатив. С начала 1890-х гг. все эти идеалы и планы стали для Масарика, активно погруженного в партийную политику, парламентскую работу и публицистику, вопросами повседневной практики. Было бы ошибкой считать, что его взгляды трансформировались внезапно, а решения менялись «в один день»; подобную эволюцию фиксировала даже национальная политика венгерского правительства эпохи дуализма (Szarka L., 2012: 3–14).

Следовательно, радикальному национально-государственному повороту, который Масарик совершил в эмиграции во время войны, и перелому в его политической позиции предшествовала длительная идейная эволюция. Он всегда стремился подкреплять ее синтезом теоретических рассуждений и практического опыта. Например, трактуя как чешско-немецкие, так и чешско-словацкие отношения, он опирался на богатый социологический и политический бэкграунд, в обоих случаях стараясь переосмыслить свою прежнюю систему аргументов. Масарик не считал чешско-немецкий конфликт в рамках Габсбургской монархии заведомо неразрешимым. Об этом свидетельствовал чешский и моравский национальный пакт — новый *modus vivendi* в сфере языка, администрации и избирательного права, выработанный ценой долгих согласований на исходе эпохи дуализма, в начале XX в. Без вмешательства мировой войны это вполне могло бы привести к формированию консоциальной демократической модели в Цислейтании.

Однако уже в первые недели мировой войны сам Масарик начал оценивать ситуацию иначе: к осени 1914 г. он больше не видел возможностей для решения «чешского вопроса» внутри Монархии. Впрочем, это выглядит не столько как вывод, сделанный на основе прошлого опыта и спокойных наблюдений, сколько как дерзкое решение политика. Воспользовавшись шансом на полное переустройство Европы, который дала война (включая реализацию концепции системы малых государств), он осознанно ушел в эмиграцию и взял на себя соответствующие обязательства.

В рамках чехословацкой эмигрантской пропаганды, развернутой в странах Антанты и у их союзников в годы войны, Масарик по понятным причинам стремился раздуть славяно-германские противоречия до «космических» масштабов. В противовес концепции *Mittleuropa* (Срединной Европы), монополизированной пангерманизмом, он провозглашал создание независимых малых государств единственной легитимной формой существования «зоны малых наций» между Германской и Российской империями. Для чешско-немецких отношений этот шаг стал источником серьезных конфликтов. При определении границ Чехословакии сразу же возникла проблема меньшинств — прежде всего, более чем трехмиллионного немецкого населения. Именно обострение чешско-немецких

противоречий вокруг этого вопроса создало огромные трудности для Масарика после его избрания президентом республики в ноябре 1918 г.

Другим серьезным испытанием при выработке новой национальной программы стало определение места чешской нации в славянском мире и прояснение новых связей с другими славянскими народами — в первую очередь со словаками, наиболее близкими в языковом отношении. К началу XX века эпоха романтического панславизма и восторженного русофильства безвозвратно ушла: роль Российской империи как «покровительницы славян» могла служить реальной опорой разве что для балканских народов. В то же время для поляков великодержавный эгоизм и холодность Петербурга становились источником нарастающей горечи, а для чехов и словаков — причиной множества разочарований.

В начале XX века, во многом по чешской инициативе, сформировалась подчеркнуто «неполитическая» концепция так называемого неославизма. Особую роль в этом сыграл Карел Крамарж — бывший соратник Масарика по «младочешскому» лагерю и будущий первый премьер-министр Чехословакии. Масарик же с самого начала считал это движение, заявленной целью которого было выстраивание реальных славянских экономических и культурных связей, нежизнеспособным. Причиной тому была его иллюзорная аполитичность и размытость принципов. Вместо этого Масарик настаивал на скорейшем развитии практического сотрудничества между славянскими народами, наиболее близкими друг другу географически, экономически и лингвистически.

В качестве примера он приводил движение чешско-словацкого единства, которое сам поддерживал и отчасти направлял с 1890-х годов. Однако на рубеже веков чешско-словацкие отношения скорее служили наглядной иллюстрацией трудностей славянского сотрудничества. Во второй половине XIX в. связи между родственными народами носили эпизодический характер. Сначала этому способствовало языковое самоопределение словаков, затем — попытки чешско-венгерского сближения, возникавшие накануне Австро-венгерского соглашения и периодически возобновлявшиеся позже. На протяжении почти трех десятилетий поддержание «родства» сводилось к личным контактам, торжественным встречам, взаимному «изумлению» и локальным инициативам узкого круга чешской словакофильской интеллигенции. Движение чешско-словацкого единства, инициированное преимущественно Масариком и его пражскими студентами-словаками (Вавро Шробаром, Паволом Благо, Богданом Павлу, Миланом Растиславом Штефаником, Антоном Штефанеком), стремилось перевести отношения двух народов, охладевшие в годы дуализма, в русло прагматичных экономических, кооперативных и образовательных связей (Holec R., 2015: 265–298).

Главное противоречие этого начинания заключалось в убеждении Масарика, что словаки — это лишь часть единого чешского народа, проживающая на севере исторической Венгрии. Соответственно, высший смысл чешско-словацкой взаимности и движения единства он видел в создании (или, в его понимании, восстановлении) полной национальной общности. И если до 1914 г. Масарик чаще всего говорил лишь о культурном единстве, то в программе чехословацкого государственного строительства он уже стремился реализовать принцип полного национального слияния. «Словаки на самом деле — те же чехи, — писал он в меморандуме 1915 г. для британского Министерства иностранных дел, — несмотря на то, что они используют свой диалект в качестве литературного языка. Они также стремятся к независимости и принимают программу объединения с чехами» (Masaryk T., 1923: 95).

Соответственно, с самого начала он подчеркивал преимущества объединения чехов и словаков, одновременно осуждая пассивность довоенной словацкой политики и ее иллюзии относительно «большой политической игры». Масарик сетовал на отсутствие у словаков проработанной, реалистичной национальной программы и называл контрпродуктивным их отказ от чешской помощи, равно как и общее недоверие к чехам (Masaryk T., 1923: 95). В масариковской концепции чехословацкого национального единства изначально переплетались реалистичные наблюдения и трезвые политические оценки (например, критика венгерского национализма) с весьма спорной исторической аргументацией и сомнительными этническими и философскими доводами (Pekník M., 1995: 227–236).

Хотя Масарик прекрасно осознавал исторические и социологические различия в развитии чехов и словаков, руководствуясь политическим утилитаризмом, с 1915 г. он начал открыто провозглашать единство двух наций.

Политические цели чехословацкой эмиграции

В августе 1914 г., с началом войны, чешская политическая элита раскололась на три крупные фракции. Лояльность монархии и императору сохранили довольно широкие слои общества — от чешских и моравских католиков до социал-демократов. Вторая, не слишком многочисленная неославянская и русофильская группа сплотилась вокруг К. Крамаржа (в 1915 г. он был арестован по обвинению в госизмене и приговорен к смертной казни, но позже амнистирован императором Карлом). Эта фракция заметно усилилась на фоне чешского народного сопротивления в годы войны и поддерживала связи с австрофобскими кругами сторонников независимости, возглавляемыми Масариком. Очевидно опираясь

на внешнеполитический опыт, приобретенный в период Балканских войн, вскоре после убийства в Сараево и августовского объявления войны 1914 г., Масарик принял окончательное решение.: в возрасте 64 лет он начал готовиться к эмиграции. Тщательно проанализировав настроения политических элит в Вене, Германии и Праге, он подготовил финансовую базу для будущей работы за рубежом (рассчитывая на поддержку чешских и словацких эмигрантов в Америке) и наладил связи со своими британскими контактами (Soubigou A., 2004: 161–165).

Вскоре после начала боевых действий Масарик впервые изложил свое видение послевоенного переустройства монархии в подробном меморандуме, направленном в британский Форин-офис. В сентябре и октябре 1914 г. ему дважды удалось выехать в нейтральные Нидерланды. В сентябре он написал письмо Роберту Уильяму Сетон-Уотсону, лондонскому внешнеполитическому корреспонденту газеты *The Times*, с просьбой о встрече в Роттердаме; эта встреча состоялась в середине октября, во время его второй поездки (Rychlík J., Marszik D.T., Bielík M. (eds.), 1995: 201–208). К тому времени Сетон-Уотсон уже считался признанным экспертом по национальному вопросу в Центральной Европе, и по итогам их секретных переговоров 24–25 октября он подготовил для британского МИДа детальный отчет. Суть замысла Масарика, уже тогда рассчитывавшего на поражение Германии, сводилась к плану создания независимой Чехии (*independent Bohemia*). В рамках этого проекта он с самого начала настаивал на включении в ее состав не только исторических чешских и моравских земель и чешской Силезии, но и словацких комитатов Верхней Венгрии. Их границы он очерчивал частично по Дунаю, частично по Малому Дунаю (образующему северную границу Житного острова), затем по реке Ипель, а далее — вплоть до русинских территорий — по венгерско-словацкой языковой границе. Показательно, что в этом осеннем наброске 1914 г., описывая венгерско-словацкий аспект, Масарик — «при условии оставления Токая за Венгрией» — очевидно реагируя на октябрьское (1914) вторжение русских на северо-восток Венгрии, относил Ужгород, Мукачево и Мармарош-Сигет уже к территории Российской империи. (Rychlík J., Marszik D.T., Bielík M. (eds.), 1995: 209) Этим я лишь хочу показать, что ещё до ухода в эмиграцию у него уже была более-менее готова и согласована с рядом чешских политических соратников и экспертов концепция, которая, исходя из неизбежности поражения Центральных держав и распада монархии, видела будущее региона в его разделении на национальные государства. После поездок в Нидерланды, в декабре 1914 г., Масарик вместе с дочерью Алисой под видом «поездки на лечение» эмигрировал через Рим. С января 1915 г. неподалеку от французской границы, близ

Женева, они организовали свой первый постоянный эмигрантский центр (Kubů E., 2015: 32–43).

Политическая эмиграция, известная в чешской и словацкой историографии как «зарубежное чехословацкое сопротивление», в 1915–1916 гг. действовала главным образом из Женева и Парижа. Наряду с Масариком в западноевропейское руководство входили Эдвард Бенеш, словак с французским гражданством Милан Растислав Штефаник, а также Штефан Осуский, присоединившийся к ним в 1916 г. по поручению Американской словацкой лиги. Штаб-квартира эмигрантского Чехословацкого национального совета располагалась в Париже. При этом руководство постоянно поддерживало связь с чешскими и словацкими организациями в России, США и Великобритании (Szarka L., 1990: 437–441).

На протяжении всего этого времени важнейшую роль играли британо-американские связи Масарика, франко-британская кулуарная дипломатия Бенеша, а также знакомства Штефаника в Италии и Франции вкупе с его незаурядным военным организаторским талантом (Hájková D., 2014: 101–111, 270–280). Кроме того, с октября 1916 г. важной платформой для формирования программы политической эмиграции и влияния на политику великих держав стал журнал «Новая Европа» (*A New Europe*), основанный в Лондоне Сетон-Уотсоном и Масариком (Bari L.B., 2016: 72–81).

Что касается пражского «внутреннего сопротивления» (т.н. «Чешской мафии»), то австрийской полиции не удалось ликвидировать его даже после того, как 21 мая 1915 г. на основании слежки и неопровержимых улик был арестован Крамарж. Несмотря на постоянный полицейский надзор, группе Масарика удавалось поддерживать непрерывную связь с родиной. Это было критически важно не только для координации действий, но и для получения внутривластной информации и работы с прессой (Kalvoda J., 1998: 78–96, 220–234).

Акции Масарика в 1915 г. привлекли пристальное внимание западноевропейских газет: сначала это была речь, приуроченная к 500-летию сожжения Яна Гуса, а затем лекция «Проблема малых наций в европейском кризисе», прочитанная 19 октября 1915 г. в Лондонском университете под патронажем британского премьер-министра Герберта Генри Асквита. В следующем году качественным прорывом для эмигрантского движения стала встреча Масарика с французским премьером Аристидом Брианом. Тем временем Бенеш методично снабжал британскую, французскую и американскую прессу материалами об «угнетенных нациях» Габсбургской монархии (Masaryk T.G., 1960). Опираясь на хорошо организованное американское и французское «славянское пресс-агентство» и газету «Чешская нация» (*La Nation Tchèque*), запущенную при содействии

Эрнеста Дени, чехословацким лидерам удалось пробиться в высшие круги парижской политической публичности.

Параллельно, начиная с 1916 г., под руководством Штефаника и Масарика развернулось формирование чехословацких легионов из военнопленных чехов и словаков — сначала во Франции и России, с 1917 г. в Италии, а в 1918 г. и в США — с последующим их включением в состав армий Антанты. Особенно выдающуюся роль в этом процессе сыграл М.Р. Штефаник: ему удалось добиться того, чтобы легионы (общая численность которых в четырех странах достигала 70–90 тыс. человек) выступали как всё более самостоятельная военная сила. Во многом именно этот фактор на завершающем этапе мировой войны привел к тому, что задолго до ее окончания — в период с июля по сентябрь 1918 г. — Париж и Лондон, а вслед за ними и президент США признали чехословацкие легионы союзной армией, а сам Чехословацкий национальный совет — союзным правительством (Ferenčuhová B., 2014: 13–26, 47–59; Kalvoda, 1998: 220–234).

«Новая Европа» — в славянском представлении

Среди десятков меморандумов чехословацкой эмиграции, подготовленных за четыре года мировой войны, особенно информативной и значимой стала политическая брошюра «Новая Европа». Масарик начал систематизировать свое видение Европы в 1917 г. в Петрограде и завершил этот труд, носивший ярко выраженный пропагандистский характер, в июне 1918 г. в Вашингтоне (Masaryk T.G., 1923: 411–428). В этом программном тексте, изданном осенью 1918 г. в Лондоне на английском языке, а затем переведенном на многие языки мира, противостояние двух военных блоков трактовалось как борьба демократии и теократии, а чехословацкое движение — наряду с другими «угнетенными нациями» Восточной и Центральной Европы — объявлялось естественным союзником Антанты. Позитивный смысл мировой войны Масарик видел в освобождении малых восточноевропейских народов и национально-государственном переустройстве региона: «Я считаю правильным рассматривать нацию и национальность как цель общественных устремлений, а государство — как средство. Неоспоримо, что всякая сознательная народная общность стремится к созданию собственной государственности» (Masaryk T.G., 1923: 42).

Роль исторической Венгрии, поведение венгерской политической элиты в годы войны и национальную политику эпохи дуализма Масарик подвергал крайне суровой критике, порой прибегая к публицистическим преувеличениям. Характерно, что историческую отчужденность словаков по отношению к чехам он объяснял исключительно «жестоким» венгерским национальным гнетом: «Изолированность венгерского языка, кото-

рый мало кто знает, и невозможность тщательного контроля со стороны Запада позволяют венграм сохранять свой олигархический абсолютизм и империализм. Этот абсолютизм они прикрывают маской респектабельности, называя его “венгерской государственной идеей”; в этом венгры схожи с прусскими юнкерами, превозносящими идею прусского государства. Еще св. Иштван, основатель венгерского государства, говорил, что государство, состоящее лишь из одного народа, несовершенно; политическое мировоззрение наций-угнетателей всегда и везде одинаково, и между пруссаками, австрийцами, венграми и турками существует глубинное внутреннее родство» (Masaryk T. G., 1923: 70). Намеренно искажая в откровенно полемических целях пассаж из «Наставлений» о приеме чужестранцев (*hospesek*), Масарик сознательно и предвзято конструировал негативный образ Венгрии. В целом страницы «Новой Европы», посвященные Венгрии, изобилуют откровенно односторонними и тенденциозными утверждениями.

Подобная риторика прослеживается и в тех разделах, где описывается развитие словацкого народа в рамках исторического венгерского государства. По версии Масарика, эта общность, будучи частью «чехословацкой нации», «уже в VII в.» (!) противостояла Германии и Австрии. Исконно словацкие этнические территории Верхней Венгрии («Словенско») он называл центральным ядром Великоморавской державы, а в обоснование чешско-словацкого единства приводил, в частности, следующие аргументы: «В X в. эта часть была отторгнута от отечества [!]; позднее она на некоторое время вновь объединилась с “родственным племенем” и даже имела период самостоятельности¹. В культурном отношении словаки всегда сохраняли тесную связь с чехами... Следовательно, объединение чехов и словаков — требование абсолютно легитимное» (Masaryk T.G., 1923: 50).

Трактовка исторического контекста словацкого вопроса у Масарика с самого начала отличалась однобокостью: уже в книге «Чешский вопрос», а затем и в более поздней публицистике о словаках, он повторял стереотипы и предубеждения Палацкого в отношении венгров, подкрепляя их аргументами из арсенала тогдашнего словацкого национализма. В контексте политической борьбы тех лет всё это, возможно, не имело столь серьезного значения, однако в том историческом образе венгров (формируемом «о нас»), который до сих пор бытует в чешском и словацком сознании, эти клише и предубеждения продолжают жить.

1 Таким образом Масарик, по-видимому, хотел сослаться на миф о «словацкой» провинциальной обособленности периода владычества Матуша Чака или гуситского периода, связанного с Яном Искрой.

Пределы допустимых уступок в политике по отношению к национальным меньшинствам в будущем многонациональном чехословацком государстве в 1918 г. Масарик очерчивал в соответствующих главах «Новой Европы» следующим образом: «Добросовестно реализованное национальное самоуправление, признание языка в школах, административных учреждениях и парламенте в определенных случаях — особенно если речь идет о национальном меньшинстве — могло бы достичь цели, но это неприменимо к большинству, то есть к целым нациям, таким как чехословаки, поляки и другие». Там же, рассуждая о языковых правах, он подчеркивал: «В этнически смешанных регионах официальное признание какого-либо одного языка, как правило, становится поводом для национальных распрей, поэтому угнетенная национальность должна добиваться, чтобы ее языковые права признавались отдельно и гарантировались законом» (Masaryk T. G., 1923: 37). Таким образом, в 1917–1918 гг. Масарик считал необходимым обеспечить равноправие местных языков и культур в национально смешанных государствах.

Три встречи с президентом Вильсоном

В декабре 1917 г. Масарик покинул Россию и через Японию направился в Соединенные Штаты. В Токио он подготовил для американского внешнеполитического ведомства меморандум о ситуации в России, прежде всего о военной и внутривнутриполитической обстановке в Сибири. В нем Масарик подчеркивал необходимость установления американских контактов с большевистским правительством и предотвращения японской интервенции. Одновременно он акцентировал внимание на том, что чехословацкие легионы в России (численность которых он оценивал в 30–40 тыс. человек) взяли под контроль ключевые станции Транссибирской магистрали на участке от Челябинска до Владивостока. Этот токийский меморандум, наряду с известиями о прибытии Масарика в США, вызвал огромный резонанс в американском обществе: существовали серьезные опасения, что Соединенные Штаты могут невольно оказаться втянутыми в гражданскую войну в России.

В апреле 1918 г. Масарик прибыл в Соединенные Штаты. 5 мая в Чикаго чешские и словацкие организации устроили ему торжественную встречу, а уже через четыре дня он прибыл в Вашингтон. На вокзале его приветствовали сенатор Ричард Крейн и 27 членов Конгресса. Сам Масарик и его американские знакомые прилагали все усилия, чтобы президент Вильсон принял его как можно скорее. Позиции Масарика усиливала декларация, принятая на римском конгрессе «угнетенных народов» Монархии в апреле 1918 г., которая требовала ликвидации Австро-Венгрии. Несмотря на это, во второй половине мая ему удалось встретиться

лишь с заместителем госсекретаря Уильямом Филлипсом, а в начале июня с госсекретарем Робертом Лансингом. И хотя американская пресса чествовала Масарика как борца за свободу славянских народов, а сам он при каждом удобном случае призывал США выступить против Австро-Венгерской монархии и поддержать малые народы в их стремлении к независимости, глава Госдепартамента обсуждал с ним исключительно «сибирский вопрос». Подобным же образом прошла и первая встреча Масарика с президентом США 19 июня 1918 г. В своих заявлениях для прессы в мае–июне Масарик не раз называл Вильсона решающей фигурой мировой политики в контексте завершения войны. Под конец беседы Масарик дал понять, что правительства Франции и Великобритании уже приняли решение не поддерживать сохранение целостности Австро-Венгрии, рассчитывая тем самым подорвать единство Центральных держав и ускорить победу. Он просил Вильсона принять аналогичное решение. Согласно лаконичной записи Масарика об этой встрече, Вильсон «принял это мнение и согласился с ним» (Kovtun J., 1987: 276).

Под влиянием новостей о массированных наступлениях Центральных держав, начавшихся в июне 1918 г. на Западном и Итальянском фронтах, никто из ответственных лиц в Вашингтоне не желал поддерживать идею интервенции в Россию. Это с каждым днем повышало значимость находившихся там чехословацких легионов, которые всё чаще вступали в вооруженные столкновения с советскими войсками. В день переговоров Масарика с Вильсоном чехословацкие части как раз заняли железнодорожную станцию Омск и ее окрестности. Для Вильсона известия о немецком наступлении во Франции и австро-венгерском в Италии поставили вопрос ребром: можно ли и дальше сохранять сдержанную политику в отношении наиболее уязвимой из Центральных держав Габсбургской монархии, или же следует дать зеленый свет стремлениям «угнетенных народов» к независимости?

Госсекретарь Роберт Лансинг с самого начала увязывал сибирскую интервенцию с поддержкой чехословацких легионов (которые к середине июня взяли под контроль Владивосток) и с вопросом раздела Австро-Венгрии на национальные государства. Опираясь на настойчивые призывы западных союзников к интервенции, 25 июня Лансинг подготовил для Вильсона срочный меморандум. В нем он подчеркивал, что поражение Германии, «крах прусских планов *Mitteuropa*» и ликвидацию немецкой оккупации России «надежнее всего можно обеспечить путем ликвидации монархии Габсбургов». «Мне представляется, — писал он президенту, — что ввиду нынешней политической и социальной напряженности в Австро-Венгрии и провала ее наступления против Италии не только политически целесообразно, но и справедливо по отношению к соот-

ветствующим народам безоговорочно встать на сторону независимой Польши, независимой Чехии и независимого югославского государства, а также поддержать право румын и итальянцев, находящихся в составе монархии, воссоединиться с теми, к кому они принадлежат по природе вещей». На следующий день Вильсон в своем ответе выразил согласие с госсекретарем. Таким образом, в австро-венгерской политике американской администрации произошел радикальный поворот, не суливший ничего хорошего Центральным державам и особенно австро-венгерскому монарху, отчаянно пытавшемуся сохранить империю единой (Kovtun J., 1987, 277-278).

Вскоре после этого Вильсон попытался охладить пыл американских политиков, выступавших за полномасштабную интервенцию в России, и в начале августа объявил, что участие Вашингтона ограничится лишь поставками оружия сибирским чехословацким легионам и отправкой военного контингента численностью 7 тыс. человек. Одновременно, не в последнюю очередь благодаря настойчивости Масарика, Лансингу удалось убедить президента выпустить 3 сентября 1918 г. декларацию. В ней провозглашалось, что «правительство Соединенных Штатов признает зарубежный Чехословацкий национальный совет де-факто воюющим правительством, наделенным всеми полномочиями для руководства военными и политическими делами чехословацкого народа»².

После этого на протяжении полутора месяцев Масарик и Вильсон общались только по переписке. Их вторая встреча, еще более короткая, чем первая (она длилась едва ли 20 минут), состоялась 11 сентября. В начале этого визита вежливости Масарик поблагодарил президента за официальное признание Чехословацкого национального совета США. Главной темой короткой беседы стала оценка боевых действий чехословацких легионов в Сибири. Вильсон назвал достижения чехословаков беспримерным историческим подвигом. Однако запись Масарика об этой встрече заканчивается упоминанием о том, что он пообещал прислать президенту немецкую этнографическую карту со своими комментариями. Это дает веские основания полагать, что к тому моменту Вильсон уже осознал этническое многообразие проектируемого чехословацкого государства (Kovtun J., 1987: 431-432).

В октябрьские дни пребывания в Вашингтоне, помимо непрерывных дипломатических переговоров, Масарику предстояло решить еще две важные задачи. Во-первых, он подготовил декларацию независи-

2 Согласно заключительному предложению заявления, американское правительство выразило готовность оформить союз с признанным де-факто правительством в войне против общего противника (Kovtun J., 1987: 396).

мости чехословацкого государства. Во-вторых, чувствуя сдержанность американской элиты и ее опасения по поводу национально-государственного раздела Центральной Европы, он решил при содействии польских, южнославянских и румынских коллег разработать и принять декларацию о намерениях создать союз освобожденных центрально-европейских наций.

Третья встреча Вильсона и Масарика состоялась накануне отъезда последнего на родину, на следующий день после того, как 14 ноября 1918 г. в Праге его избрали президентом республики. В ходе полчасовой аудиенции Масарик выразил признательность за американскую поддержку чехословацких устремлений, после чего стороны обменялись мнениями по польскому и русскому вопросам. Масарик считал, что, за исключением Финляндии и Польши, территориальную целостность Российской империи следует сохранить. Он также посоветовал Вильсону на предстоящей мирной конференции выступать в роли защитника общих принципов и не позволять втягивать себя в европейские «частные вопросы» (Kovtun J., 1987: 628-629).

Основание государств, национальная политика в духе национальной диктатуры

В «Новой Европе», касаясь защиты меньшинств в Германии, Австро-Венгрии и Турции, Масарик вполне справедливо критиковал позицию, согласно которой положение меньшинств считалось исключительно внутренним делом суверенных государств: «Пока этот фарисейский принцип остается в силе, осуществить самоопределение народов, разумеется, невозможно» (Masaryk T.G., 1923: 39). Этот часто цитируемый тезис Масарик признавал применимым и к государствам-преемникам; более того, он неоднократно ссылался на положения мирных договоров, гарантирующие права меньшинств: «Права национальных меньшинств закреплены Парижской мирной конференцией. Мы же хотим дать нашим национальным меньшинствам, в том числе венграм, этому ценному, целеустремленному, честному и доброму народу, гораздо больше» (Masaryk T.G., 1933: 310–314).

Отношение Масарика к меньшинствам в Чехословакии, и особенно к венграм, можно интерпретировать по-разному. После его избрания на пост президента политическая ответственность неизмеримо возросла; акценты в его заявлениях, статьях и речах заметно менялись в зависимости от аудитории и конкретных политических целей. Одно из наиболее поразительных и, несомненно, самых судьбоносных для меньшинств изменений касалось его отношения к плебисциту. Если в 1917 г. он сам поддерживал принцип проведения плебисцитов для определения границ,

то аналогичное предложение венгерского правительства Каройи он категорически отверг, равно как посчитал его неприменимым и при решении немецкого вопроса (Kautmann F., 1990: 39).

Трансформировались и взгляды Масарика на возможность проведения этнических границ и значение т.н. стратегических рубежей. Если в 1917 г., рассматривая чешско-немецкую и венгерско-словацкую пограничные проблемы, он был склонен максимально учитывать этнический принцип и не придавал первостепенного значения геостратегическим факторам, то в 1919 г. ситуация изменилась. Как наглядно показала война между Венгерской советской республикой и Чехословакией, Масарик перестал считать даже Дунай достаточно надежной границей и планировал захват плацдармов на его правом берегу (Okmányok T., 1954: 50-51).

Для Масарика работа по государственному строительству Чехословакии не завершилась ни деятельностью в эмиграции, ни после — с избранием на пост президента, ни триумфальным возвращением на родину. Показательно, что в ноябре 1918 г., возвращаясь из США через Париж в Чехословакию (которую державы-победительницы летом 1918 г. признали де-факто независимым государством), среди своих главных задач он видел обеспечение внутренней стабильности. Это подразумевало нейтрализацию сопротивления и автономистских или сепаратистских устремлений у словаков, русинов и, прежде всего, у второй по численности национальной общины нового государства чешских немцев, которых тогда насчитывалось почти три миллиона (Masaryk T. G., 1991: 23-35).

Приближаясь к своему семидесятилетию, глава государства с полной отдачей включился в формирование правового, политического и общественного порядка. Помимо стабилизации баланса сил между политическими партиями, выработки компромиссных механизмов между правящими коалициями и обеспечения хотя бы минимальной лояльности со стороны оппозиции (что, к слову, стало условием легализации Коммунистической партии Чехословакии, возникшей в 1921 г. в результате раскола социал-демократов), Масарик сыграл ведущую роль в формировании государственной идеологии новой республики (Vondrášek V., 1995: 96–102).

Чрезвычайно масштабная программа социальных реформ, сопоставимая в регионе разве что с ранним этапом государственного строительства в Австрии, а также общий внутри- и внешнеполитический курс страны во многом отражали личные идеи Масарика. Из этого сложнейшего процесса я выделяю лишь базовые принципы национальной политики Первой Чехословацкой Республики, которые были сформулированы с подачи Масарика еще в годы мировой войны. Хотя чехословацкая эмиграция долгое время старалась не афишировать тот факт, что в про-

ектируемом чешско-словацком государстве численность нечешского и несловацкого населения превысит четыре миллиона человек, с самого начала декларировалось, что меньшинствам в составе Чехословакии будут предоставлены максимально широкие права (Havlin M., 2011: 18-25).

В соответствии с этими декларациями и международными гарантиями (которые Чехословакия активно поддерживала и в значительной мере брала на себя добровольно), чехословацкое законодательство в первые годы пыталось кодифицировать языковые права национальных меньшинств. Так, 29 февраля 1920 г. был принят Закон о языке (№ 122/1920), установивший 20-процентный барьер: в административных округах, где более 20% граждан говорили на языке, отличном от «чехословацкого», органы власти были обязаны принимать обращения и вести делопроизводство на этом языке. На практике эта норма распространялась, в частности, на немецкий, венгерский, русинский и польский языки (Petráš R., 2009: 36–45).

В решении проблемы меньшинств Масарик изначально не исключал использования любых инструментов. Так, еще до основания республики, а затем и на посту президента он неоднократно выражал убежденность в том, что при обоюдном согласии с соседними государствами, в первую очередь с Венгрией, возможна мирная ревизия границ, иногда даже допуская вероятность территориальных компенсаций³.

Одновременно Масарик предлагал меры внутреннего национального примирения (многие из которых так и остались нереализованными): преподавание языков меньшинств в школах национального большинства; создание общенационального гимна, с которым могли бы идентифицировать себя все граждане республики; поддержку высшего образования и научной деятельности меньшинств и тому подобное (Petráš R., 2009).

Однако первоначальный импульс как в законодательстве о национальностях, так и в практике проведения дальновидной и позитивной политики в отношении меньшинств со временем угас. Когда в 1935 г. (еще при президентстве Масарика) началась разработка т.н. Статута о меньшинствах, пражские министерства на запросы правительства о действующих нормах в этой сфере чаще всего отвечали либо отрицательно, либо сугубо формально. Это свидетельствовало о том, что равноправие меньшинств в отдельных сферах общественной жизни так и осталось неурегулированным. Столь же мало осуществился и принцип Масарика,

3 Масарик, например, обсуждал данный вопрос с уполномоченным Антанты генералом Сметсом в апреле 1919 г.; возможность переговоров о передаче части территорий с венгерским населением он упоминал, например, в письме В. Шробару.

что лояльность меньшинств должна обеспечиваться проактивной, позитивной политикой государства (Szarka L., 2016: 135–147).

В межвоенной Чехословакии разрыв между позитивными идеями Масарика о меньшинствах и их практической реализацией непрерывно увеличивался. Эту реальность были вынуждены признать даже проправительственные (на языке того времени — «активистские») венгерские круги: «К сожалению, в стране Масарика, включая самого президента, найдется едва ли пара дюжин людей, которые были бы настоящими сторонниками той идеи, что наполняет нашу эпоху и определяет дух времени [т.е. демократии]. В Чехословакии низовые органы власти по-прежнему обращаются с национальными меньшинствами так, словно постоянно хотят их наказать; тех, кто живет здесь и занимается созидательным трудом, словно каждый раз отправляют на Голгофу, и спустя почти 10 лет после создания республики по-прежнему существуют граждане первого и второго сорта, “привилегированные” и бесправные. [...] Пражский Град стоит высоко, и мы, венгры Словакии, лишь изредка можем предстать перед первым лицом государства, чтобы поведать о наших бедах и показать ему, что его прекрасная и мудрая демократия, “спустившись” к нам, обретает совершенно иной смысл, нежели тот человеческий и научный идеал, который он в нее вкладывает». Политическая изоляция Масарика во внутриполитических вопросах имела особенно тяжелые последствия именно в сфере межнациональных отношений. Среди его чешских соратников позитивные идеи президента нашли свое последовательное продолжение исключительно в национально-политических трудах Эмануэля Радла (Litván Gy., 1990: 170–188).

Национальное государство — конечная цель или промежуточная стадия?

Еще один серьезный поворот во взглядах Масарика представляется важным не только для понимания эволюции проблемы меньшинств, но и для исторической траектории всего центральноевропейского региона. В первые годы мировой войны он рассматривал, сначала в качестве программы-минимум, а затем как некую долгосрочную цель, союз (кооперацию) малых государств региона как возможную, более высокую форму существования «новой Центральной Европы». В «Новой Европе» основной акцент делается уже на условиях такого объединения: «О подлинной федерации народов можно будет говорить лишь тогда, когда сами народы смогут объединяться свободно и по собственной воле. Именно к этому ведет развитие Европы. [<...>] Если и возникнут федерации малых государств, то это будут федерации, созданные на основе свободного решения и подлинной внутренней потребности народов, а не продикто-

ванные династическими и империалистическими устремлениями или намерениями» (Masaryk T., 1923: 45).

Трудно судить, могла ли мирная программа, ориентированная на федерализацию, привести к созданию жизнеспособного объединения на карте региона, несомненно раздираемого множеством межнациональных конфликтов, после 52 месяцев мировой войны. Вероятно, находившийся в эмиграции Оскар Яси был прав, когда, сопоставляя свои федералистские идеи 1918 г. с масариковской концепцией системы малых государств, пришел к следующему выводу: «Нельзя отрицать, что в 1918 г. президент Масарик в общих чертах верно предвидел ту систему государств, которая возникнет в результате великой мировой войны. Однако один лишь вопрос новых государственных границ не мог удовлетворить стремящуюся к универсализму душу президента. Новый государственный порядок должен был служить для Европы лишь своего рода каркасом. [<...>] Беспрепятственное развитие всех национальных меньшинств следовало обеспечить через международный суд (в интересах целого союза культурных государств может и должен вмешиваться во внутренние дела отдельного государства), и, наконец, Европа нуждалась в нравственном перевоспитании» (Jászi O., 1930: 7).

Ответ на этот вопрос сохраняет свою актуальность и в середине третьего десятилетия XXI в.; он принципиально важен для разрешения современной дилеммы: следует ли рассматривать форму национального государства в контексте объединяющейся Европы как решение, рассчитанное на столетия, или же как необходимый переходный этап. Для Масарика независимое национальное государство благодаря возможности территориального размежевания и обретения национальной независимости означало ликвидацию отношений господства и подчинения. Тем самым оно становилось «преддверием» подлинной федерации, достижимой лишь в условиях свободы, т.е. базовой предпосылкой для добровольного объединения. Иное дело, что почти столетняя история национальных государств в нашем регионе, судьба которого во многом определялась великими державами, скорее напоминает бесконечный лабиринт: из-за этнических конфликтов здесь вновь и вновь возникает угроза «балканизации», а вместе с ней перманентный риск экономического отставания и разобщенности.

На протяжении XX в. национально-государственная концепция Масарика многократно и по разным причинам подвергалась искажениям: конструкт «чехословацкой политической нации» подобно понятию венгерской политической нации в эпоху дуализма оказался неспособен обеспечить рамки для подлинного национального равноправия. Напротив, он подталкивал к сепаратизму меньшинства, не желавшие

отказываться от собственной национальной идентичности, а две нации большинства на протяжении большей части XX в. побуждал прибегать к форсированной государственной ассимиляции или даже к жестким методам этнической гомогенизации. Сформировавшееся в годы Второй мировой войны немецкое военно-политическое доминирование и концепция центральноевропейского «жизненного пространства» лишали всяких перспектив любую национальную государственность в регионе точно так же, как и последовавший за ними *pač sovietica* с его четырьмя десятилетиями эпохи партийно-государственной монополии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Bari, L.B. (2016). A New Europe, Ausztria és Magyarország (1916–1918). In: Juhász, J., Bartha, E. (szerk.). Kelet-európai sorsfordulók. Tanulmányok a 80 éves Palotás Emil tiszteletére. Budapest: ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék. S. 72–81.
- Dobossy, L. (1989). Masarykról magyar szemmel. In: Dobossy, L. (1989). Gondban, reményben azonosan. Budapest: Gondolat Kiadó. S. 85–146.
- Ferenčuhová, B. a kol. (2014). Milan Rastislav Štefánik a česko-slovenské zahraničné vojsko (légie). Kapitoly a príspevky. Bratislava: Spoločnosť Pro Historia.
- Hain, R. (1999). Staatstheorie und Staatsrecht in T.G. Masaryks Ideenwelt. Zürich: Schulthess Polygraphischer Verlag.
- Hájková, D. (2014). Emanuel Voska. Špionážní legenda první světové války. Praha: Academia.
- Havlin, M. (2011). Die Rede von der Schweiz. Ein medial-politischer nationalitätendiskurs in der tschechoslowakei 1918–1938. Frankfurt am Main: Peter Lang. P. 18–25.
- Holec, R. (2015). Slovenské československé 20. storočie. In: Horský, J., Hroch, M. (eds.). Sto let. Hodnota svobody, nebo cena za nezávislost. Praha: Sociologické nakladatelství. S. 265–298.
- Hroch, M. (2018). Myšlenka nezávislosti v programech evropských národních hnutí. In: Horský, J., Hroch, M. (eds.). Sto let. Hodnota svobody, nebo cena za nezávislost. Praha: Sociologické nakladatelství. S. 98–105.
- Jászi, O. (1930). Masaryk elnök tanításai. In: Darvas, S., Surányi, G., Várady, A. (szerk.). Masaryk G. T. életműve, működése és hatása. Bratislava.
- Kalvoda, J. (1998). Genese Československa. Praha: Panevropa.
- Kautmann, F. (1990). Masaryk — Šalda — Patočka. Praha: Evropský kulturní klub.
- Kovtun, J. (1987). Masarykův triumf. Toronto: Sixty-Eight Publishers Corp.
- Kubů, E. (2015). T. G. Masaryk a jeho c. k. protivníci. Československá zahraniční akce ženevského období v zápase s rakousko-uherskou diplomacií, zpravodajskými službami a propagandou (1915–1916). Praha: Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum.
- Leonhard, J. (2014). Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkriegs. München: C.H. Beck.
- Leonhard, J. (2018). Der überforderte Frieden. Versailles und die Welt 1918–1923. München: C.H. Beck.
- Litván, Gy. (1990). Jászi Oszkár és a Maléter-család kapcsolatai. Regio. 1990. No 4. S. 170–188.
- Masaryk, T.G. (1901). O věcech slovenských. Naše doba. 1901. No 1–5.
- Masaryk, T.G. (1908). Česká otázka. Snahy a túžby národního obrození. Praha: Pokrok.

- Masaryk, T.G. (1923). Az új Európa. Košice: Globus; részletek In: Masaryk, T.G. A világforradalom 1914–1918. Budapest: Európa Könyvkiadó.
- Masaryk, T.G. (1933). A köztársaság elnökénél. In: Cesta demokracie. Soubor projevů za republiky (1918–1920). Sv. I. Praha. S. 310–314.
- Masaryk, T.G. (1960). The Problem of Small Nations in the European Crisis. London: King's College.
- Masaryk, T. G. (1991). Demokrácia, nemzetiség. Gondolatok a kisebbségi kérdésről és az antiszemi tizmusról. Budapest: Pozsony. P. 23–35.
- Miller, B. (1989). The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Okmányok T. G. (1954). Masaryk nép- és nemzetellenes politikájáról. Bratislava. P. 50–51.
- Opat, J. (1990). T.G. Masaryk — osobnost orientační. In: Masaryk, T. G. O bolševictví. Praha.
- Orzoff, A. (2009). Battle for the Castle. The Myth of Czechoslovakia in Europe 1914–1948. Oxford: Oxford University Press. S. 32–43.
- Pekník, M. (1995). T. G. Masaryk a niektoré aspekty slovensko-českých vzťahov za prvej svetovej vojny. In: První světová válka, moderní demokracie a T. G. Masaryk. Praha: Ústav T. G. Masaryka. S. 227–236.
- Petráš, R. (2009). Menšiny v meziválečném Československu. Právní postavení národnostních menšin v první Československé republice a jejich mezinárodněprávní ochrana. Praha: Karolinum. S. 36–45.
- Rumpler, H., Harmat, U. (eds.) (2018). Bewältigte Vergangenheit? Die nationale und internationale Historiographie zum Untergang der Habsburgermonarchie als ideelle Grundlage für die Neuordnung Europas (Die Habsburgermonarchie 1848–1918, XII.). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Rychlík, J., Marszik, D. T., Bielik, M. (eds.). (1995). R.W. Seton-Watson and his Relations with the Czechs and Slovaks. Documents. 1906–1951. Vol. I. Martin: Ústav T. G. Masaryka — Matica slovenská. S. 201–209.
- Šolle, Z. (1995). Rakousko a Masarykova idea Nové Evropy. In: První světová válka, moderní demokracie a T. G. Masaryk. Praha: Ústav T. G. Masaryka. S. 139–148.
- Soubigou, A. (2004). Tomáš Garrigue Masaryk. Praha–Litomyšl: Paseka.
- Szarka, L. (1990). Egy XX. századi államalapító emlékiratai. In: Masaryk, T. G. A világforradalom 1914–1918. Budapest: Európa Könyvkiadó. S. 437–441.
- Szarka, L. (2012). Panslavismus, Austroslavismus, tschecho-slovakische Einheitsbewegung. Die Alternativen der slowakischen nationalen Entwicklung und die ungarische Nationalitätenpolitik am Ende des 19. Jahrhunderts. Eruditio — Educatio, 2012.
- Szarka, L. (2015). A soknemzetiségű birodalmaktól a multietnikus nemzetállamokig. Világtörténet, 2015. No 5. S. 171–192.
- Szarka, L. (2016). A multietnikus nemzetállam 1918–1992. Kísérletek, kudarcok és kompromisszumok Csehszlovákia nemzetiségi politikájában. Pozsony: Kalligram.
- Vondrášek, V. (1995). Konstituování státnosti a problémy její obrany. In: První světová válka, moderní demokracie a T. G. Masaryk. Praha: Ústav T. G. Masaryka. S. 96–102.

NATIONAL-STATE ARGUMENTS AND THE “NEW EUROPE”: T.G. MASARYK AND THE ESTABLISHMENT OF THE CZECHOSLOVAK STATE

László Szarka

Rubicon Institute, Budapest, Hungary; J. Selye University, Komárno, Slovakia,
e-mail: laszloszarka@gmail.com

Abstract. This article examines the political ideas and activities of Tomáš Garrigue Masaryk related to the development of the Czechoslovak state during World War I. Particular attention is paid to Masaryk's concept of reorganizing Central Europe, outlined in his work “New Europe: A Slavic Perspective”, as well as the political and ideological preconditions for the Czechoslovak national movement. The evolution of Masaryk's views from the Austro-Slavic and cultural-national programs of the late 19th and early 20th centuries to the idea of creating an independent national state for Czechs and Slovaks is analyzed. The activities of the Czechoslovak political émigré community in the Entente countries, the diplomatic efforts of its leaders, and the influence of the international context of the war on the formation of the new state concept are examined. The article demonstrates that the project of Czechoslovak statehood was shaped by the complex interaction of national aspirations, the geopolitical interests of the great powers, and the principle of national self-determination, which often faded into the background during the post-war reorganization of Europe.

Keywords: Tomáš Garrigue Masaryk, Czechoslovakia, World War I, national self-determination, Central Europe, Czechoslovak emigration, national movements, dissolution of the Austro-Hungarian monarchy, small nations of Europe, new political map of Europe

УДК 94(437)•1914/1918*
DOI: 10.24412/2686-9756-2026-1-28-39

Елена Серапионова

Т.Г. Масарик и его деятельность в годы Первой мировой войны (по материалам российского МИД)

Аннотация. Статья посвящена первому президенту Чехословакии Т.Г. Масарику. На основе документов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) показаны его планы решения чешского вопроса и их изменение в ходе Первой мировой войны, а также деятельность за рубежом. В центре внимания борьба за лидерство в национально-освободительном движении чехов и словаков. В работе приведены оценки политики Масарика как со стороны недругов, так и сторонников. Отдавая должное его заслугам в деле создания независимого чехословацкого государства, автор исправляет и уточняет некоторые устоявшиеся в литературе утверждения, критикует попытки мифологизации его личности в чешской историографии. Особое внимание уделено его отношению к России и славянскому вопросу.

Ключевые слова: Т.Г. Масарик, Первая мировая война, заграничное Сопротивление чехов и словаков, МИД России.

Оценки политических деятелей за последнее столетие претерпели резкие изменения, и первый чехословацкий президент Томаш Гарриг Масарик оказался не исключением. Культ личности президента – основателя Чехословацкой республики в межвоенное двадцатилетие привел к тому, что в историографии того периода его личность была мифологизирована. Не малую роль в этом сыграл он сам, рассказывая о себе в воспоминаниях (Масарик Т.Г., 1926) и беседах с чешским писателем К. Чапек (Сарек К., 1992; Чапек К., 2000). Еще при жизни в межвоенное двадцатилетие в адрес Масарика звучали такие пышные эпитеты как «великий вождь просвещенного демократизма», «великий гуманист и апостол возрождения угнетенных народов и демократии», «истинный вождь», «честный мыслитель и честный патриот», «славный славянин» (Своими путями, 1925: 2). Такого рода определения можно продолжить и далее.

После Второй мировой войны, вернее коммунистического переворота 1948 г., Масарик, наоборот, превратился в антигероя. Его винили в «антинародной» политике и клеймили как «буржуазного» политика (Документы об антинародной... 1954; Краль В., 1955).

В настоящий период, начавшийся с «бархатной революции» 1989 г., Масарик вновь национальный герой. Его именем названы центральные улицы многих чешских городов, в рамках Академии наук ЧР действует Институт-архив Т.Г. Масарика, издавший и переиздавший практически всё его творческое наследие. О нем написаны многочисленные статьи и книги (Opát J., 1990; Soubigou A., 2004; Малевич О.М., 2004: 58–80; Задорожнюк Э.Г., 2012: 151–163; Задорожнюк Э.Г., 2019; Серापionoва Е.П., 2002: 124–144; Серापionoва Е.П., 2009: 322–340; Ненашева З.С., 1997: 38–44 и др.), в некоторых, к сожалению, повторяются утверждения и не критические оценки межвоенной историографии. Переоценка личности и деятельности Первого чехословацкого президента характерна не только для чешской и словацкой, но и для отечественной историографии (Фирсов Е.Ф., 1997; Фирсов Е.Ф., 2012; Задорожнюк Э.Г., 2020: 182–204; Серापionoва Е.П., 1993: 119–137; Ненашева З.С., 2017: 88–97).

На самом деле у каждого человека каких бы политических высот или общественного признания он ни достигал есть сильные стороны и слабости, положительные и отрицательные черты характера, и превращать кого-бы то ни было в легенду не есть задача историка. Приблизиться к истине и дать характеристику политическому лидеру и его деятельности лучше всего через свидетельства о нем современников, как сторонников, так и противников. Именно поэтому в качестве основных источников выбраны материалы, поступавшие в российский МИД и хранящиеся в настоящее время в Архиве внешней политики Российской империи.

Российским дипломатам, общественным деятелям и ученым Т.Г. Масарик был известен еще до Первой мировой войны как социолог, философ и политик. Благодаря выдающимся способностям он получил университетское образование, знал несколько европейских языков, в том числе изучал русский, защитил диссертацию и стал профессором философии Чешского университета в Праге. Он занимался социологией и литературой, публиковал научные труды. В Праге началась его политическая деятельность в составе нового течения реалистов, а затем как члена партии младочехов. В 1891 г. он получил мандат в Имперский совет (Рейхсрат) и Чешское земельное собрание. Занимая активную общественную позицию, он участвовал в споре о подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей, поставив под вопрос их подлинность, и тем самым вызвав возмущение чешских патриотов. В судебном разбирательстве по делу Л. Гилснера, Масарик выступил против чешского национализма и антисемитских суеверий, чем также вызвал негативную реакцию части общественных чешских кругов и студенчества. В 1900 г. он создал собственную Чешскую народную партию – Прогрессивную (Партию реалистов). В 1907 и 1911 гг. от этой партии Масарик избирался депутатом Рейхсрата.

Славянский вопрос и Россия вызывали у него неизменный интерес. Он тщательно изучал русскую литературу, несколько раз бывал в нашей стране (в конце XIX и начале XX вв.). Был знаком со многими писателями, в том числе с Л.Н. Толстым, М. Горьким, А.В. Амфитеатовым, рядом политиков, таких как Г.В. Плеханов, П.Н. Милюков, Г.Е. Львов, состоял в переписке с учеными: Е.Л. Радловым, Н.И. Кареевым, В.И. Ламанским, А.Н. Пыпиным, Н.Я. Гротом, Н.Я. Ястребовым, Н.О. Лосским и многими другими политическими, общественными деятелями и людьми науки (О связях Масарика с русскими и украинскими деятелями см.: T.G. Masaryk, Rusové a Ukrajinci 1883–1917... sv.1, 2015: 189–468, sv. 2, 2016: 7–733).

Негативную реакцию российских властей вызвала его книга, опубликованная в 1913 г. «Россия и Европа» (Впервые на русском языке в России эта книга вышла в 2000 г. См.: Масарик Т.Г., 2000–2004; до этого публиковались только выдержки из нее, см.: Задорожнюк Э.Г., 1997:100–107), где он писал, что хотя Россия и является Европой, но отстает от нее в развитии. В заметках по поводу этой работы Масарика, тщательно изученной в российском МИД, в частности, говорилось: «Основной темой труда, как показывает и самое заглавие, является противопоставление России остальной Европе, в смысле всего склада русской народной души и социальной жизни, будто бы совершенно отличной от социального уклада на Западе... Автор приходит к мысли об общей отсталости нашего

отечества от остальной Европы»¹. Затем в документе следовал вывод: «Книга написана в строго научном тоне и резких выпадов против России не содержит, но основная не сочувственная и не дружественная нам тенденция этого труда проведена хотя и осторожно, но весьма отчетливо, и тем более примечательно, что автором его является видный славянский ученый и политический деятель»². Российские власти были возмущены, книга в России запрещена, а Масарик стал фигурой *non grata*. До войны в российской прессе излагалось мнение Масарика о том, что славянская политика (так называемый панславизм) – это «убогий» «политический дилетантизм», которым на Руси забавляются лишь несколько «наивных и вздорных филологов», а считаются с ним только чешские «наивные политики»³. Эти высказывания чешского политика вызвали недоумение и обиду среди определенных славянофильских общественных кругов в России.

В годы Первой мировой войны Масарик выехал за границу и, предупрежденный сторонниками о грозящем ему на родине аресте, остался в эмиграции на Западе. В литературе можно встретить утверждение, что в отличие от лидера партии младочехов К. Крамаржа, стоявшего за союз с Россией, Масарик последовательно выступал за ориентацию на Запад. Однако в первый период войны это было не совсем так. В секретной телеграмме на имя товарища министра иностранных дел России от посла в Риме (13 декабря 1914 г.) А.Н. Крупенского приводится сообщение российского агента, бывшего представителя телеграфного агентства в Вене В. Сватковского о приезде в Рим Масарика, «наиболее деятельно занявшегося выяснением» существовавших в тот момент «настроений, намерений и планов» насчет «будущего народов Австро-Венгрии». Крамаржа и Масарика Сватковский считал «главными идеологами чешского будущего»⁴. По его словам, Масарик был в курсе планов К. Крамаржа создать чешское вице-королевство под державой российского императора и, признавая выгоды такого решения для промышленно развитой Чехии и ее национальных интересов, особенно в смысле таможенного объединения с Россией, Масарик полагал, что этот вопрос зависел от политического и военного могущества России в момент окончания войны⁵. Если же Россия не захочет или не сможет осуществить этот план максимум,

1 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474 Д. 209. Л. 53–54.

2 Там же.

3 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 541. Д.Н. Вергун. Оп. 1. Д. 6. Л. 62.

4 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 19.

5 Там же. Д. 204/120. Л. 33.

то Масарик хотел обеспечить чешскую государственную независимость со своим собственным королем, лучше из дома Романовых и в военном союзе с Россией, а «дипломатия чешского королевства, по крайней мере сначала, по его словам, должна была быть общей с Россией»⁶.

26 декабря 1914 г. В. Сватковский сообщал из Цюриха: «Масарик, который раньше никогда русофилом не считался проникся русофильством во время четырех за время войны побывок в Берлине, где слышал от немцев только лестные отзывы о русской армии»⁷. В другом сообщении из Рима 27 декабря 1914 г. на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова М.Н. Гирс сообщал о визите к нему Масарика и о высказанных им сомнениях относительно возможности вхождения чешского королевства в Российскую империю из-за католического вероисповедания чехов. К судьбам словаков, по словам Гирса, Масарик проявил «весьма ограниченный интерес», считая их народом «экономически слабым и низшим по культуре»⁸, хотя сам был наполовину словаком (по отцу). А 3 апреля 1915 г. во время наступления Русской армии российский посол сообщал из Рима, что, по сведениям Сватковского, Масарик согласился не препятствовать плану Крамаржа по созданию Славянской империи под Русской державой, но хотел знать позицию самой России⁹. Он заявил послу, что хотя и сочувствует этому проекту, но боится «непреодолимых» препятствий со стороны западных союзниц России и не знает, разделяет ли Россия этот план¹⁰. Из его высказываний можно понять, что от своей позиции призвать на чешский престол представителя неславянской династии Масарик во время наступления Русской армии вполне готов был отказаться. 26 мая 1915 г. граф Александр Константинович Бенкендорф препроводил С.Д. Сазонову меморандум, составленный Масариком от имени всех политических партий (кроме клерикалов), под названием «Независимая Богемия»¹¹. В нем выражались симпатии к России, говорилось, что богемцы нация славянофильская, чехи войну не поддерживали, на фронт шли неохотно, по принуждению, для будущего богемского государства дружба и помощь России необходимы.

В 1915 г. под руководством Масарика в Париже был создан Чешский заграничный комитет, ориентировавшийся на Антанту. В 1916 г. он был переименован в Чехословацкий национальный совет (ЧСНС). С этого

6 Там же. Д. 209. Л. 20об., 21.

7 Там же. Л. 16.

8 Там же. Д. 204/120. Л. 42.

9 Там же. Л. 62

10 Там же. Л. 67.

11 Там же. Л. 73–78.

времени позиция его главы стала меняться в сторону большей ориентации на западных союзников, так как с мая 1915 г. началось отступление Русской армии. По договоренности с Масариком в Россию отправился член ЧСНС один из лидеров аграрной партии Й. Дюрих с тем, чтобы договориться об отправке части чешских и словацких военнопленных-добровольцев во Францию для борьбы на стороне Антанты. Однако российский МИД, обеспокоенный ростом влияния ЧСНС и его председателя, решил создать в России альтернативный центр национального движения чехов и словаков, полностью ориентированный на Россию, и предложил Дюриху возглавить его (Подробнее об этом см.: Ведерников М.В., 2016). Ставка на Дюриха оправдывалась тем, что он якобы более влиятельный в стране политик, и представляет различные политические силы, тогда как Масарик лишь свою небольшую партию¹². Но попытка подчинить национальное движение чехов и словаков в России Дюриху не увенчалась успехом. Узнав об этих планах, Масарик направил в Россию еще одного члена ЧСНС М.Р. Штефаника, который подписал вместе с Дюрихом документ о разграничении полномочий (Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус... 2013: 438–439). Правда это «киевское соглашение» сторонами не выполнялось, а созданный во главе с Дюрихом Чешско-Словацкий народный совет практически так и не успел начать активно действовать, так как в феврале 1917 г. в России произошла революция, изменившая политическую ситуацию в стране и соотношение сил.

Второй тезис, который также часто встречается в литературе, о том, что Масарик как истинный демократ стоял за образование республики, тогда как К. Крамарж был настроен монархически. Это тоже не соответствует действительности. В выше названном меморандуме Масарик прямо писал, что Богемия планируется как монархия, а за богемскую республику выступают только несколько радикальных политиков. По его словам, «русская династия была бы наиболее популярна», в любом случае чешские политики «хотят создать Богемское королевство в полном согласии с Россией», а «русские пожелания и планы будут иметь определяющее влияние»¹³. Правда, пророссийским заверениям Масарика не стоит слишком доверять, так как он отслеживал военную и политическую ситуацию и действовал в соответствии с ее изменениями. Абсолютно верно охарактеризовал его позицию М.В. Ведерников, сравнив ее с попыткой усидеть на двух стульях (Ведерников М.В., 2015: 125).

Что касается границ будущего чешского государства, то Масарик уже в конце 1914 г. полагал, что этнографический принцип должен был

12 Там же. Л. 154–156.

13 Там же. Л. 77.

быть дополнен принципом историческим. Он оправдывал это желанием спасти остатки чешского населения в прусской Силезии и лужицких сербов, земли которых когда-то входили в чешское королевство. Признавая, что восточная часть австрийской Силезии наполовину польская, Масарик настаивал на ее включении в состав чешского королевства в силу исторического права. Кроме этого, он считал весьма желательным включение в пределы чешского королевства «некоторых русских меньшинств» близ Ужгорода, что дало бы повод к провозглашению русского литературного языка официальным, наравне с чешским, в будущем государстве¹⁴.

В 1916 г. Масарик уже склонялся к тому, чтобы посадить на чешский трон английского принца¹⁵. Как у любого политика, у Масарика были противники. 10 февраля 1916 г. от лица чехов-русофилов во Франции редактор газеты «*Národní listy*», представитель г. Праги во Франции В. Церкал писал прибывшему в Париж депутату рейхсрата Й. Дюриху о Масарике: «Депутат Масарик не оправдал наше доверие, он остался тем пресловутым профессором, который испортил нам несколько студенческих генераций и содействовал интернационализму в рабочих классах... Свое партийное пристрастие не сумел преодолеть даже за границей... Масарик не согласился с нашим откровенным русофильством или “царефильством”»¹⁶. Весьма нелестную характеристику Масарику и его деятельности как до войны, так и после ее начала давал и доктор В.К. Штепанек в своих записках в российский МИД в июне 1916 г.¹⁷ Он подчеркивал, что Масарик не сразу включился в борьбу против Австро-Венгрии, а отважился на первое открытое антиавстрийское выступление лишь 5 июля 1915 г. в Женеве в речи о Я. Гусе. Он обвинял его в нелюбви к России, дискредитации русофильского направления чешских политиков за границей, планах поставить во главе чешского королевства не представителя Романовых, а представителя английской династии или Бурбонов, называл «случайным» представителем чехов за границей, «раболепствующих перед силами Запада, главным образом Англии»¹⁸. Но, пожалуй, наиболее резкая характеристика Масарика и его деятельности накануне и в годы войны содержится в записке сотрудника МИД, эксперта по австро-венгерским и балканским делам А.Ю. Геровского (февраль 1916 г.). В ней автор уверял, что «известность Масарик приобрел не как национальный

14 Там же. Д. 209. Л. 22.

15 Там же. Л.154–156.

16 Там же. Д. 204. Л. 115.

17 Там же. Л. 149–167.

18 Там же. Л. 156.

чешский деятель, а как противник чешской национальной мысли»¹⁹. В записке упоминался и случай с якобы ритуальным убийством чешской девушки евреем Гильснером, которого Масарик публично защищал, после чего его популярность среди университетской молодежи в Праге резко упала, зато в еврейской прессе его стали называть «великим человеком» и «светлейшим умом Чехии». Автор записки припомнил Масарику его высказывания в пользу раздела Чехии на немецкую и чешскую части в разгар борьбы за чешское государственное право, что шло в разрез с требованиями чешских патриотов, но вызвало одобрение со стороны немцев, признавших его «чуть ли не единственным умным и способным мыслить объективно чехом». Геровский писал, что Масарик отрицательно относился к панславизму вообще и к «официальной России» в частности. Славянская идея для него была «несбыточной и вредной фантазией», в издаваемой им газете «*Čas*» открыто поддерживалось мазепинство²⁰, что, по его словам, было направлено на разъединение русского народа и ослабление России. Во время войны, когда русские стояли на Карпатах, и все ждали, что русские войска займут Словакию и Чехию, Масарик в Женеве высказался против Австрии, за Россию, подчеркнув, что не делает разницы между русским правительством и русским народом. Но к февралю 1916 г. его программа изменилась, и он выступил за независимое чешское королевство, присоединение к Чехии словаков и западной половины Угорской Руси²¹.

В материалах МИД имеются и достаточно нейтральные и позитивные отзывы и сведения о Масарике как со стороны чехов в России, так и русских коллег. Например, в вырезке из газеты «Биржевые ведомости» от 13 ноября 1916 г. говорилось о том, что накануне на заседании историко-филологического факультета Петроградского университета профессор Н.В. Ястребов предложил, а профессора П.А. Лавров, А.А. Шахматов, М.И. Ростовцев, Н.И. Кареев, А.И. Введенский и И.И. Лапшин поддержали пригласить к чтению лекций в университете Масарика²². Газета «Вечернее время» опубликовала материал под названием «Профессор Масарик». В нем также сообщалось о приглашении читать лекции в Петроградский университет известного чешского политического деятеля профессора Масарика, бежавшего из Австрии и находившегося в тот момент в Лон-

19 Скорее всего имелся ввиду спор о Краледворской и Зеленогорской рукописях, подлинность которых Масариком была поставлена под сомнение. Впоследствии его правота была доказана.

20 Имелось ввиду украинское национальное движение.

21 АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 209. Л. 35 – 36.

22 Биржевые ведомости. 1916. 13. XI.

доне. Далее излагалась его биография, причем подчеркивались наиболее позитивные моменты: его участие в славянских студенческих организациях, серьезные научные труды, интерес к славянофилам и толстовству, научная объективность в споре о рукописях, начало политической деятельности вместе с известным русофилом К. Крамаржем. Отмечалось, что в Лондоне Масарик читает лекции в университете. Автор заметки заключал, что Масарик в начале XX в. создал новое славянское мировоззрение²³. Однако МИД России и военные власти посчитали в конце 1916 г., что приезд Масарика в Россию несвоевременен²⁴. Но уже вскоре, после Февральской революции 1917 г., которую Масарик приветствовал, его путь в Россию был открыт. В поздравительной телеграмме писателю и журналисту А.В. Амфитеатрову он подчеркивал, что «свободная Россия была идеалом всех прогрессивных мыслителей и политиков», что «чехи всегда были русофилами» и выражал лучшие надежды на будущее для России и свободы²⁵. А в приветственной телеграмме на имя министра иностранных дел П.Н. Милюкова, с которым он был давно знаком (Подробнее об этом см.: Милюков П.Н., 2005: 182–202), Масарик излагал целую программу действий: «Возрожденная Россия создаст единую Польшу, [при этом осторожно добавляя – Е.С.] подвластную свободной России, воссоединит с Россией галичан и угро-русов, объединит сербо-хорватов со словенцами и освободит Чехию и Моравию»²⁶. Масарик воспринимал мировую войну как столкновение двух систем: западной демократии и консервативных, монархических режимов. При этом императорская Россия на стороне союзников не укладывалась в его схему, поэтому революцию, покончившую с монархией, он воспринял как естественное следствие позиции России в войне.

Масарик прибыл в Петроград в начале мая 1917 г. и задержался в России на несколько месяцев. Он ездил по стране, общался с государственными, военными и общественными деятелями России (с новым министром иностранных дел М.И. Терещенко, премьер-министром Г.Е. Львовом, А.А. Брусиловым, лидерами политических партий, университетскими и академическими коллегами) (Ненашева З.С., 2017: 90), а также с соотечественниками, добровольцами и военнопленными. Он стоял за полную победу Антанты и своей главной задачей видел создание в России самостоятельного чехословацкого войска и объединения

23 Вечернее время. 1916. 17. XI.

24 АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474 Д. 209. Л. 108–109; 113–114.

25 Русская воля. 1917. 17. III.

26 Речь. 1917. 23. III.

национального движения чехов и словаков под своим руководством²⁷. И это у него получилось.

Масарику удалось в конце концов снять запрет на дальнейшее формирование чехословацких частей в России и возглавить чехословацкое национальное движение. В сентябре 1917 г. по приказу Н.Н. Духонина был сформирован Чехословацкий корпус в России, насчитывавший уже около 30 тыс. бойцов. Масарик стал свидетелем захвата власти большевиками в 1917 г. (Масарик Т.Г., 1926: 195–196; Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920..., 2013: 867–868). Изначально он полагал, что чехословацкие части не должны вмешиваться в политическую борьбу в России, хотя негативно относился к большевизму и диктатуре, установленной в России. Он выступил с идеей вооруженного нейтралитета и вывоза чехословацких частей во Францию. Весной 1918 г. он оставил Россию (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920... 2018: 64–65), но продолжал внимательно следить за российскими событиями. Отвечая на вопросы американского посла в Японии Р.С. Морриса в апреле 1918 г., он заявил, что союзникам надо бы признать большевиков де-факто (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920... 2018: 109–110). А после начала вооруженного выступления чехословацких легионеров против большевиков, фактически поддержал их и обратился к западным союзникам за помощью чехословацким войскам (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920... 2018: 305–307). Это свидетельствует о том, что, меняя свои позиции в зависимости от конкретной ситуации, в реальной практике он не всегда придерживался гуманистических принципов, которые провозглашал в теории.

Безусловно, Т.Г. Масарик является центральной фигурой чешской истории XX в., человеком выдающихся способностей, сумевшим добиться успехов науке, политике, государственном строительстве. Но во многом его личность в межвоенный период была мифологизирована и до некоторой степени остается такой в чешской историографии по сей день. И использованные в статье документы позволяют увидеть его не только как легендарного исторического героя, но как живого человека, реального гибкого политика, у которого было не только много соратников, но и много противников, с которыми он жестко боролся.

27 Еще накануне его приезда в Россию в конце апреля – начале мая 1917 г. в Киеве на III съезде земляческих обществ чехов и словаков в России ЧСНС под руководством Масарика был признан верховным органом национально-освободительного движения, а его отделение для России (ОЧСНС) – руководящим и исполнительным органом движения. См.: (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920..., 2013: 681–684).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ведерников, М.В. (2015). Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. № 6. С. 122–129.
- Ведерников, М.В. (2016). Участие МИД в организации чешско-словацкой акции на территории России в середине 1916 – начале 1917 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 4. С. 60–73.
- Документы об антinarодной и антinarациональной политике Масарика (1954) / пер. с чешского О.С. Хархардина; редакция и предисловие М. Туманова. М.: Издательство иностранной литературы.
- Задорожнюк, Э.Г. (2019). Милан Растислав Штефаник и Томаш Гарриг Масарик: жизнь и судьбы // Девин. Альманах Общества Людовита Штура в Москве. № 2 (9).
- Задорожнюк, Э.Г. (1997). «Подлинная революция – это революция реформистская» (из книги Т.Г. Масарика «Россия и Европа») // Славяноведение. № 5. С. 100–107.
- Задорожнюк, Э. Г. (2020). Томаш Гарриг Масарик о старой и новой России в труде «Мировая революция» (к 170-летию со дня рождения политика) // Славянский альманах. Вып. 1–2. С. 182–204.
- Задорожнюк, Э.Г. (2012). Штрихи к портрету Т.Г. Масарика // Новая и новейшая история. № 5. С. 151–163.
- Краль, В. (1955). О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша / пер. с чеш. М.М. Хазанова; ред. и предисл. А.И. Недорезова. М.: Издательство иностранной литературы.
- Малевич, О.М. (2004). Томаш Гарриг Масарик // Вопросы истории. № 11. С. 58–80.
- Масарик, Т.Г. (1926). Мировая революция. Воспоминания. Авторизованный перевод Н.Ф. Мельниковой-Папоушек. Прага: Legiografie.
- Милюков, П.Н. (2005). Мои встречи с Масариком // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. М.: Русский путь. С. 182–202.
- Ненашева, З.С. (1997) Идея славянской общности в трактовке Т.Г. Масарика // Т. Г. Масарик и Россия. СПб. С. 38–44.
- Ненашева, З.С. Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и реальность // Современная Европа. № 7. С. 88–97.
- Своими путями (1925). № 5.
- Серapiонова, Е.П. (2009). Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: «Индрик». С. 322–340.
- Серapiонова, Е.П. (1993). Томаш Гарриг Масарик. 1850–1937 // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.). Отв. ред. М.Д. Ерещенко. М. С. 119–137.
- Серapiонова, Е.П. (2002) Т.Г. Масарик и К. Крамарж: отношение к России // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып.1. Европейское измерение политической истории / отв. ред. А.А. Улунян. Ред коллегия: Е.Ю. Сергеев, С.А. Романенко, А.Л. Шемякин. М. С. 124–144.
- Фирсов, Е.Ф. (1997). Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм. М.
- Фирсов, Е.Ф. (2012). Т.Г. Масарик в России и борьба чехов и словаков за независимость. М.
- Чапек, К. (2000). Беседы с Т.Г. Масариком. М.: МИК.

- Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России 1914–1917. М.: «Новалис». 2013.
- Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. М.: Кучково поле, 2018.
- Čapek, K. (1992). Nové hovory s T.G. Masarykem. Praha: Česká expedice: RIOPESS.
- Opat, J. (1990). Filozof a politik Tomáš Garrigue Masaryk, 1882–1893 (Příspěvek k životpisů). Praha: Melantrich. 1990.
- Soubigou, A. (2004). Tomáš Garrigue Masaryk. Praha; Litomyšl: Paseka.
- T.G. Masaryk, Rusové a Ukrajinci 1883–1917 (2015). In: Korespondence T.G. Masaryk – Slované. Poláci, Rusové a Ukrajinci. Sv. 1. Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR. S. 189–468.
- T.G. Masaryk, Rusové a Ukrajinci 1918–1937 (2016). In: Korespondence T.G. Masaryk – Slované. Rusové a Ukrajinci. Sv. 2. Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR. S. 7–733.

T.G. MASARYK AND HIS ACTIVITIES DURING THE FIRST WORLD WAR (BASED ON MATERIALS FROM THE ARCHIVE OF RUSSIAN MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS)

Elena Serapionova

Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia,
e-mail: e.serapionova@inslav.ru

Abstract. The article is dedicated to the first president of Czechoslovakia, Tomáš Garrigue Masaryk. Based on documents from the Archive of Foreign Policy of Russian Empire (AFPRE) the article analyzes his plans for resolving the Czech question, their changes during World War I, and his activities abroad. It focuses on the struggle for leadership in the Czech and Slovak national liberation movements. The study explores the views of Masaryk's policies from both his opponents and supporters. While acknowledging his contributions to the creation of an independent Czechoslovak state, the author critically reassesses and clarifies attempts to mythologize him in Czech historiography. Particular attention is paid to his attitude toward Russia and the Slavic question.

Keywords: T.G. Masaryk, World War I, Foreign Resistance of Czechs and Slovaks, Russian Ministry of Foreign Affairs.

УДК 323

DOI: 10.24412/2686-9756-2026-1-40-52

Михаил Ведерников

Т.Г. Масарик и русские чехи

Аннотация. Статья посвящена критическому переосмыслению роли Т.Г. Масарика и русских чехов в процессе формирования независимой Чехословакии в годы Первой мировой войны. На основе широкого круга источников реконструируется эволюция политических стратегий Масарика и организованного движения русских чехов в Российской империи, а также их взаимодействие с правительствами стран Антанты. Особое внимание уделено институциональному оформлению чешско-словацкого движения и нарастающим конфликтам между русскими чехами и зарубежными центрами во главе с Масариком. Показано, что русские чехи одними из первых артикулировали программу демонтажа Австро Венгрии и создания самостоятельного государства, однако их вклад был маргинализирован в последующей чешской и западной историографии под влиянием долгосрочных политических и идеологических конъюнктур. Делается вывод о необходимости пересмотра доминирующих нарративов и более активной интернационализации российских исследований данного сюжета.

Ключевые слова: Т.Г. Масарик, Первая мировая война, русские чехи, политика памяти, забвение.

Сегодня в Чехии Томаш Гарриг Масарик — непререкаемый национальный герой, лидер нации и общепризнанный основатель современного чешского государства. Его вклад высоко оценен потомками и в последние годы внимание к его личности и жизненному пути только нарастает. Идеологические принципы, положенные им в основание Чехословакии в 1918 г., также активно эксплуатируются современными политиками (Masarykova filosofie může... 2024). Однако зачастую обращение к этим идеям происходит механистически, без попытки глубокого и предметного анализа обстоятельств, в которых они вызревали и формировались. Такой же неизбирательный и популистский подход свойственен в отношении исторических процессов, предшествовавших крушению Австро-Венгрии и зарождению на ее обломках новых государственных образований. Повсеместно происходит абсолютизация роли Масарика в событиях Первой мировой войны, формируется представление о его беспрекословной убежденности в необходимости образования Чехословакии. В то же время игнорируются общедоступные факты. В этой связи показательно воспоминание чешского публициста Виктора Дыка, который, пересказывая разговор историка литературы Яромира Долежала с Масариком, указывал на то, что последний вплоть до лета 1916 г. колебался в вопросе рациональности появления самостоятельной Чехии и был готов вести переговоры с австро-венгерскими властями о будущем чехов и словаков (Dyk V., 1927: 121).

На этом фоне упускается из виду значение деятельности других представителей организованного политического движения чехов и словаков в годы Первой мировой войны. В забвении продолжают пребывать русские чехи — этнические чехи, получившие гражданство Российской империи, а также подданные Австро-Венгерской империи, проживавшие на территории России. Роль последних никогда не находилась в объективе пристального внимания чешских и зарубежных исследователей. Их история рассматривалась или в контексте локальной историографии западных губерний империи Романовых, что ограничивало возможности оценки значения их деятельности в масштабе всего чешского народа (Vaculík J., 1997; Vaculík J., 2002a; 2002b; Vaculík J., 2009; Hofman J., Širc V., Vaculík J., 2004; Kovalenko S., 2010), или же как часть объемного повествования о событиях Великой войны, в рамках которого фактор русских чехов нивелировался, поскольку приходился на начальную фазу национально-освободительного движения, которую было свойственно не замечать из-за отсутствия громких, судьбоносных событий, ушедших в тень на фоне истории Чехословацкого корпуса в 1918–1920 гг. (Pichlik K., 1968; Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová, 1996). Немаловажно значение и политических трансформаций в Восточной Европе в начале XX в.: рево-

люционные события в России в 1917 г., установление советской власти и участие Чехословацкого корпуса в Гражданской войне отдаляли чехов от России. В обстановке идеологической конфронтации межвоенного времени русский фактор замалчивался, или наоборот характеризовался как дестабилизирующий для национального движения. На социалистическом этапе, который связан с острой критикой Масарика, также не произошло обращение к рассмотрению данного фактора из-за необходимости признания вклада царского правительства на этом направлении. Впрочем, «бархатная революция» 1989 г. также не способствовала более глубокому восприятию фактора русских чехов в образовании независимой Чехословакии, что ставит вопрос о принципиальном нежелании чехов учитывать ключевой фактор России в истории образования независимой Чехословакии. Ухудшение отношений между Прагой и Москвой после 2014 г. не могло способствовать смене устоявшихся подходов, наоборот можно обозначить рост интереса к Масарику и эксплуатации «хрестоматийных» нарративов межвоенного времени.

В то же время для отечественной историографии традиционно стремление выйти за рамки свойственного для чехословацкой / чешской историографии подхода. Ещё в советской богемистике (Клеванский А.Х., 1965), а затем уже в современной российской появились работы, в которых пристально изучался российский и французский факторы в образовании Чехословакии (Валиахметов А.Н., 2018; Ведерников М.В., 2015; Ведерников М.В., 2016; Крючков И.В., 2014; Мошечков П.В., 2016; Ненашева З.С., 2019; Птицын А.Н., 2019; Серапионова Е.П., 2021). Несомненно, значительная работа была проделана в направлении публикации исторических источников (Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус... Т. 1... 2013; Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус... Т. 2... 2018).

В рамках данной работы предпринята попытка обрисовать ключевые вехи в истории русских чехов накануне и в годы Первой мировой войны, их значение в появлении самостоятельной Чехословакии в 1918 г.

Русские чехи: кто такие?

Согласно всероссийской переписи населения 1897 г. в Российской империи проживало 50 385 человек чешской и словацкой национальности, из которых 27 660 (55%) в Волынской губернии и 6 450 в Царстве Польском. На Кавказе, включая Закавказье, количество чехов и словаков определялось в 3 360 человека. Остальные были разбросаны по территории империи и не имели четко выраженной агломерации проживания. При этом доля сельского населения в их составе равнялась 84,1%. К началу Первой мировой войны в 1914 г. число чехов в империи Романовых принято оценивать в 100 тыс. человек. Эти данные не точные — основаны

на предположениях современников (Červinka J., 1920: 7) и скорее всего преувеличены.

Появление чехов в России было вызвано миграционными процессами на территории Австрийской (с 1866 г. Австро-Венгерской) империи, которые активизировались в 1850-х гг. из-за нехватки свободной земли и высокой стоимости аренды, что серьезно затрудняло успешное ведение сельского хозяйства в самих Чешских землях. Важно подчеркнуть, что Россия изначально не была первоочередной точкой переселения, большинство чехов стремилось переехать в Соединённые Штаты или южные регионы державы Габсбургов. Однако в 1860-е гг. чехи стали переселяться в Российскую империю, где либеральные реформы, включая отмену крепостного права, открыли перспективы для землевладения. Немаловажную роль в усилении этих потоков сыграли Гражданская война в США (1861–1865 гг.), прервавшая многие планы эмиграции за океан, и восстание в Царстве Польском (1863–1864 гг.), усилившее интерес российских властей в новых колонистах. Уже в 1863 г. первые 17 семей из Чешских земель переселились в Волынскую губернию, где в Дубенском уезде основали поселение Лютгардовка. Усиление потока чешских колонистов начинается с 1868 г. и продолжалось вплоть до конца правления императора Александра II. Согласно документам российского МВД, в период с 1868 по 1870 гг. на территорию Волыни переселилось около 8 тыс. человек. Важно отметить, что массовое появление чехов в империи не являлось правительственной инициативой, а было связано с частными проектами чешских и российских предпринимателей, зарабатывавших на посреднических услугах. В свою очередь российские чиновники не чинили препятствий для переезда иностранцев. Чешские переселенцы связывали с Россией, переживавшей на переломе двух столетий экономический подъем, главным образом надежды на дешевую землю и достойное трудоустройство. Практически отсутствовали сведения, что чехи уезжали из Австро-Венгрии в поисках убежища от засилья немцев, спасаясь от национального угнетения и притеснений. Мотивы, как правило, были простыми — чехи искали достойной жизни, а Россия могла им это предоставить.

Хотя подавляющее большинство чехов проживало в сельской местности за пять десятилетий с момента их появления в России сформировались городские центры их общественной жизни. Ее активизация приходится на 1905 г. после первой русской революции в крупных городах (Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Киев). Первые три города из-за отдаленности от массового проживания чешского населения, отсутствия сильных лидеров во главе землячеств не смогли создать крепкое сплоченное сообщество единомышленников. В свою очередь киевский

центр благодаря своему расположению, массовой чешской агломерации в Юго-Западном крае, активному руководству и наличию финансовых вливаний со стороны крупных предпринимателей чешского происхождения вёл кипучую деятельность. Ядром жизни чешской диаспоры стали периодические издания («Русский чех» (1906–1908 гг.) и «Чехослован» (1911–1914 гг., 1916–1918 гг.) и общественные организации (Чешское вспомогательное общество в Санкт-Петербурге (1877 г.), Чешский кружок в Москве (1902 г.), Общество им. Я.А. Коменского в Киеве (1907 г.)) (Ведерников М.В., 2017). Важную роль играли сокольские гимнастические кружки, вокруг которых объединялись чешские соотечественники (Котов В.В., 2024).

Начало мировой войны: реакция чешского общества в России

Вацлав Вондрак, один из активных довоенных общественных деятелей чешской диаспоры, относительно настроений, царивших среди чехов, после объявления о начале войны летом 1914 г. в своих воспоминаниях писал: «Пока ещё русские надеялись, что война пройдет стороной, и не верили в её возможность, мы в Киеве читали в газетах сообщения, что московские, а с ними и петроградские чехи провозгласили революцию против Австрии. В первые минуты мирового столкновения к нам пришла мысль о необходимости создания чешских гуситских дружин» (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус... 2013: 50). Примечательно, что с первых дней мирового конфликта русские чехи заняли радикальную антиавстрийскую позицию, которая исходила из необходимости ликвидации Австро-Венгрии и появлении на ее развалинах независимой Чехии (затем Чехословакии). Так, уже 24 июля Зденек Рейман на собрании Чешского вспомогательного общества в Петрограде предложил чехам вступать в ряды российской армии для вооруженной борьбы за независимость Чехии. Эта идея была поддержана всеми присутствующими. Там же в помещении общества началась запись. 2 августа представители данного общества посетили министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Высказанные на этой встрече пожелания чехов были сформулированы Йиржи Клецандой в «Докладной записке о чешско-словацком вопросе» (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус... 2013: 112).

Показательно, что российские власти шли навстречу притязаниям чехов, поддерживая их сепаратистские настроения. Об этом красноречиво говорят две аудиенции российского самодержца Николая II с ними в августе–сентябре 1914 г. 8 августа «выборные депутаты от Московской чешской колонии» встретились с государем в Кремле. Подобная честь в глазах всего чешского общества была показателем того, что Россия

выражала готовность прислушаться к чаяниям чешского народа. В свою очередь речь чешских представителей (А. Грабье, С. Коничека, Л. Ту-чека) была исполнена в верноподданническом духе. В ней говорилось, что «чехи всегда были проповедниками славянского единения» и ждали с нетерпением «момента освобождения Чешских земель», для того чтобы стать частью «семьи освобожденных народов». В их выступлении прозвучала судьбоносная фраза — «Да воссияет свободная независимая корона св. Вячеслава в лучах короны Романовых!»

С 28 августа по 9 сентября 1915 г. в столице империи проходило Совещание уполномоченных от чешских обществ и комитетов Петрограда, Москвы, Киева и Варшавы, в ходе которого был создан Совет чехов в России — единый политический орган для консолидации чешско-словацких сил на территории страны. Уже 4 сентября состоялась вторая аудиенция у императора, в которой приняли участие по одному представителю от каждого земляческого центра. От Киева был назначен Оттакар Червены, Петрограда — Йиржи Клецанда, Москвы — Сватоплук Коничек, Варшавы — словак Йозеф Орсаг. В речи, адресованной Николаю II, чехи обращались к нему, как к «августейшему защитнику всего славянства», любовь к которому всегда питал «чешско-словенский» народ. Как отмечал О. Червены, выступавший перед царем от имени Совета чехов в России, угнетенные чешский и словацкие народы, переживающие горькие страдания в эти минуты, желали идти с Россией «рука об руку». Разработчики составленного меморандума отмечали, что «чудом уцелевший сын всеславянской матери, тысячелетний страж (<...>) чешский народ взирает на Вас...», чтобы вместе возобновить самостоятельное чешское государство.

Первым камнем в основание чешского государства стало появление Чешской дружины — добровольческого вооруженного формирования, состоящего из чехов-подданных России. Важно подчеркнуть, что данная инициатива была реализована исключительно при поддержке российского правительства и при активном участии русских чехов, воодушевившихся идеей создания независимого государства. 28 сентября 1914 г. в день св. Вацлава, покровителя Чешских земель, в центре Киева было освящено знамя дружины. Обращаясь к чехам, выстроенным на Софийской площади, В. Вондрак говорил: «Ныне осуществилась вековая мечта чехов иметь свое национальное войско, которое, не выступая еще на поле брани, добилось драгоценнейшей победы, завоевав сердце русского народа». Он полагал, что «с организацией Чешского войска... теснейшим образом был связан вопрос об издании русским правительством акта о будущей судьбе Чехии».

В дружину в начале вступили 749 добровольцев, включая 11 офицеров-чехов. К 1 декабря 1914 г. их число возросло до 992 человек. 9 октября 1914 г. Чешская дружина была направлена на Киевский фронт в распоряжение командующего 3-й армией генерала Радко Дмитриева. 6 ноября 1914 г. состоялся первый бой Чешской дружины у дер. Недзелиска и Боржучин в Западной Галиции. Ввиду того, что к зиме 1914–1915 гг. на территории России уже находилось значительное количество австро-венгерских военнопленных (около 250 тыс. человек) 8 декабря было принято решение о их приеме в Чешскую дружину.

Параллельно с зарождением военной основы чешского государства продолжалось усложнение организованного политического движения чехов и словаков. Зимой 1914 г. Совет чехов в России трансформировался в Союз чешских обществ. 22–26 февраля 1915 г. прошёл I съезд в Москве, куда съехались 32 делегата, которые представляли 1 343 членов из 6 чешских обществ и трех комитетов. Расширение полномочий в руках политиков усиливало противоречия внутри чешского лагеря, прежде всего из-за личных амбиций некоторых из них. Проявлением глубокого размежевания стало разделение управленческих структур Союза между Петроградом (Правление — политический орган) и Киевом (военный орган). Раздвоение полномочий нарушало единство чешского движения. Происходила дестабилизация, которая вела к появлению дуумвирата, когда каждая из частей чешского движения имела собственное представление, прежде всего, о механизмах взаимодействия с российской властью. Возникающие конфликты стремившейся встать во главе движения чешской элиты не могли благоприятным образом сказаться на её будущем! Впрочем, более существенное влияние на чешское движение всё же оказывали внешние факторы: весной 1915 г. надежды на формирование крупного воинского формирования становились мало реалистичными из-за поражения русской армии у Горлиц (2 мая — 22 июня) и начала отступления по всему фронту. Чехи были вынуждены искать другие пути для реализации своих планов. Они приступили к трудовой мобилизации — «мирной мобилизации» — чешско-словацких военнопленных на российские предприятия, вовлеченные в оборонную промышленность.

Между тем, важно констатировать, что на фоне бурной деятельности русских чехов в 1914–1915 гг. активность Т.Г. Масарика и его сподвижников в Чехии, в западноевропейских государствах и США до осени 1915 г. не вышла на уровень признания со стороны официальных властей, ограничиваясь общественно-политической работой местных диаспор. Появление чешской роты «Наздар» в составе французской армии (Мошечков П.В., 2018) одновременно с Чешской дружиной не было напрямую сопряжено с идеей независимости Чехии, что активно продви-

гали русские чехи, получая поддержку со стороны российских властей. Можно предположить, что последние, возможно, не желая того вывели чешско-словацкий вопрос на международный уровень, заставив своих партнеров по Антанте более пристально заняться им. Показательно, что чешско-словацкие эмигрантские структуры Чешский заграничный комитет (ноябрь 1915 г.) и Чешско-словацкий национальный совет (февраль 1916 г.), появившиеся в Париже, получили сразу же поддержку со стороны французского правительства. На этом фоне активизировалась деятельность ранее находившегося в тени Масарика, который стал руководителем указанных эмигрантских организаций.

Начало идейных расхождений между «русскими чехами» и Масариком

Будучи обнадеженными со стороны российского правительства относительно независимого государства, русские чехи ввиду стагнации чешско-словацкого вопроса во второй половине 1915–1916 гг. стремились использовать все доступные возможности для его актуализации. В этой связи появление нового центра борьбы оказалось, как никогда кстати. Обладая, несмотря на войну, устойчивыми связями с соотечественниками в Европе и за океаном, они искренне поддержали появление заграничных центров борьбы с Австро-Венгрией в Париже и признали лично Т.Г. Масарика лидером освободительного движения. Подобные решения были публично озвучены в ходе второго Съезда Союза чешско-словацких обществ (апрель 1916 г.) Его участники направили Т.Г. Масарику телеграмму, в которой говорилось о признании «заграничного центрального комитета главным органом политической акции»¹. Можно предполагать, что перемещение политического веса в сторону зарубежных чехов было вызвано, в том числе, нарастающими противоречиями внутри объединений самих русских чехов, которые можно было обуздать при появлении во главе чешского движения в России авторитетного лица, сумевшего бы стать объединителем всей чешской репрезентации. Таким человеком, за которым была готова пойти большая часть чешской политической элиты (за исключением представителей царфильских кругов), вероятно, был Т.Г. Масарик.

Впрочем, фактор Масарика, как показали последующие события, привёл к обратному эффекту — росту напряженности внутри чешского лагеря и, что более важно, усилению подозрений со стороны российского руководства. В это время вдобавок обозначился глубокий конфликт между Масариком и Вондраком, на тот момент уже председателем Союза.

1 VHA. K. 6. Pres. org. II sjezd Svazů čs. spolků 1916. Protokoly ze zasedání. S. 50.

Показательно, что в своих воспоминаниях будущий президент Чехословакии обвинил киевского чеха в предательстве, приписывая ему такую характеристику себя: «наверное, во всей республике нет чеха и словака более чуждого нашему национальному характеру, а значит и менее способного исполнять обязанности президента, чем проф. Масарик» (Муратов А., Муратова Д., 2016). В. Вондрак обоснованно сравнивал свою деятельность, с самого начала направленную на создание войска, с нерешительностью Т.Г. Масарика, который только через десять месяцев после начала войны проявил свою активность за границей. Попытки заключить соглашение о разделении полномочий между Союзом и ЧСНС в виде Киевского соглашения (август 1916 г.) не привели к урегулированию отношений.

Впрочем, российский МИД, на тот момент не совсем основательно разбираясь в перипетиях отношений внутри чешского лагеря, увидел в деятельности Масарика и Вондрака попытку полностью подчинить чешско-словацкое движение в России зарубежному центру. Заведующий спецполитотделом МИД М. Приклонский обвинял русских чехов в «стремлении к неконтролируемому подчинению Масарику», который разделял антироссийские и антимонархические взгляды. Генерал А.И. Аверьянов полагал, что «Союз [<...>] под влиянием Лондона и Парижа перешел к политической деятельности. [<...>] деятельность чешского профессора Масарика Министерством иностранных дел характеризуется как подозрительная и откровенно враждебная по отношению к интересам России». Зам. министра иностранных дел А.А. Нератов ожидал от чехов «болгарской благодарности». На этом фоне возобладала идея установления тщательного контроля над чешско-словацким движением за счет формирования подконтрольного Петрограду органа, сформированного из лояльных России участников. Имперские власти решили привлечь к руководству чешской акцией в России человека, авторитет которого признавался бы всеми русскими чехами. Им стал Йозеф Дюрих, депутат рейхсрата, член наиболее влиятельной и массовой в довоенное время Чешской аграрной партии, член ЧСНС в Париже. Приехав в Россию, летом 1916 г. он полностью попал под влияние российских властей, получив от них финансирование. В свою очередь чехи в России, изначально приветствовав его приезд, в дальнейшем выступили с протестом, заявив о нежелании подчиняться ему. Как итог, в противовес парижскому ЧСНС было запланировано создание Чешско-Словацкого Народного совета во главе с Дюрихом (его работа не была запущена из-за февральской революции 1917 г.) Несмотря на негативное восприятие этого проекта, киевские чехи были вынуждены дать согласие на участие в «Совете Дюриха».

Революция 1917 г. привела к колоссальному сдвигу в системе координат чешско-словацкого организованного политического лагеря. Позиции русских чехов пошатнулись, а положение Масарика и его сторонников значительно усилилось. Подобная тенденция подтвердилась в ходе третьего Съезда Союза (апрель 1917 г.) Произошла смена его руководства — вместо В. Вондрака был избран Вацлав Гирса, врач из Киева, который открыто тяготел к масариковскому ЧСНС. В телеграмме Масарику делегаты сообщали: «*Union sacré* достигнут под эгидой ЧСНС и под вашим руководством. Есть согласие войска, военнопленных и комитетов, за исключением небольшой группы вокруг Вондрака и Дюриха». Главным организационным итогом стало решение о формировании Отделения (филиала) ЧСНС в России, которое переняло основные военные и политические функции у Союза. Последний же наделялся полномочиями по работе с соотечественниками в России, что фактически ознаменовало крах его прежних позиций. Помимо внешних причин успеха масариковской линии основной залог ее поддержки заключался в переходе значительных масс чешских и словацких военнопленных, начавших играть политическую роль, на сторону зарубежного политического центра. Последние полагали, что царское правительство чинило препятствия на пути создания крупного вооруженного чешско-словацкого воинского подразделения. Отчасти их предположения были правильны: с лета 1917 г. начинается массовая мобилизация в чешско-словацкие формирования. В августе 1917 г. сформированы 1-я и 2-я Чешско-Словацкие стрелковые дивизии, в сентябре 1917 г. сформирован Чешско-Словацкий корпус. На момент формирования в нем было 15 тыс., в ноябре — 37 тыс., летом 1918 г. — 60–70 тыс. военнослужащих. Впрочем, российские власти обосновывали свое решение о расширении чешско-словацких подразделений иначе. Они исходили не из теплого отношения к славянам, а отталкивались от необходимости остановить разложение в российской армии и ввести на фронт боеспособные части.

Визит Масарика в июле 1917 г. в Киев, после битвы при Зборове, в ходе которой чешско-словацкое войско решительно и храбро проявило себя, отчётливо обозначил отношение Масарика к русским чехам. Не ограничиваясь критикой прежних отношений в чешских рядах, он открыто говорил, что «русские чехи ничего не сделали» в вопросе организации войска. Будучи человеком, хорошо осведомленным в особенностях функционирования российской бюрократии царского режима, Масарик, очевидно, целенаправленно стремился своей позицией ослабить положение русских чехов. Показательно, что он не обращал внимания на достигнутые ими успехи, не учитывал сформированный в предшествовавшие месяцы фундамент, на котором впоследствии зародилось чешско-сло-

вацкое войско. Несмотря на то, что Масарик использовал откровенно популистские приемы — замалчивал достижения предшественников и преувеличивал собственный вклад в общее дело, он смог усилить собственные позиции: в митинге в Киевском университете приняли участие 5 тыс. человек, которые признали его непререкаемым лидером чехословацкого революционного движения. В последующие месяцы позиции русских чехов стремительно ослабевали, что привело к их полному уходу с политической сцены. Политический центр сместился в сторону масариковского Отделения Чешско-словацкого национального совета для России, в составе которого отсутствовали русские чехи. Показательно, что последние добровольно отказывались от участия в политической деятельности, не видя для себя перспектив на этом поприще.

* * *

Сегодняшняя Чехия является производной от тех политических процессов, которые происходили на территории стран-участниц Антанты в годы Первой мировой войны. Несомненно, что правительства Британии, Франции, Соединенных Штатов и России сделали многое, чтобы осенью 1918 г. появилась независимая Чехословакия, однако их вклад не был равноценный. Впрочем, по прошествии времени в общественном дискурсе и на страницах исторических исследований роль стран стала оцениваться в соответствии с политической мотивацией и внешнеполитическим курсом страны. Так, в межвоенное время, которое характеризуется ориентацией Праги на Париж и подозрительным отношением к Кремлю, ключевая роль отводилась французским властям; историки-эмигранты, покинувшие Чехословакию после прихода коммунистов к власти в 1948 г., отдавали, например, приоритет американскому участию (Fic V.M., 1977). После «бархатной революции» и распада Советского Союза, событий, которые, казалось бы, разрешили все накопившиеся за XX в. противоречия между Москвой и Прагой, чешские историки, а за ними и политики, не спешили признавать какое-либо значение российского фактора в образовании государства чехов и словаков. В то же время появился доступ к архивным документам, доступ к которым ранее был осложнен.

Учитывая текущее состояние чешско-российских отношений, вряд ли стоит ожидать, что в ближайшие десятилетия в чешской историографии появятся объективные исследования, в которых по достоинству был бы оценен вклад русских чехов в становление чехословацкого государства. В этой связи российские специалисты должны более тщательно продвигать результаты своих исследований, в том числе на международном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Červinka, J. (1920). Cestou našeho odboje. Příspěvek k historii vývoje formací československého vojska na Rusi v roce 1914–1915. Praha. 1920.
- Dyk, V. (1927). Vzpomínky a komentáře. 1839–1918. Praha: Ladislav Kuncíř.
- Fic, V.M. (1977). Revolutionary war for independence and the Russian question. Czechoslovak army in Russia 1914–1918. New Delhi.
- Hofman, J., Širc, V., Vaculík, J. (2004). Volyňští Češi v prvním a druhém odboji. Praha.
- Kovalenko, S. (2010). Češi v kyjevské gubernii před rokem 1917. In: Sborník prací PdF MU, řada společenských věd. Roč. 24, č. 1. S. 31–46. Available at: <https://journals.muni.cz/dejinyadejepis/article/view/35881/30612> (accessed 13.03.2026).
- Masarykova filosofie může pomoci obnovit pokleslé poznání a společnost, říká filosof Jan Svoboda. iportal24. 01.04.2024. Available at: <https://iportal24.cz/featured/masarykova-filosofie-muze-pomoci-obnovit-poklesle-poznani-a-spolecnost-rika-filosof-jan-svoboda/> (accessed 13.03.2026).
- Pichlík, K. (1968). Zachráněný odboj. 1914–1918. Bez legend. Praha.
- Pichlík, K., Klípa, B., Zabloudilová, J. (1996). Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha.
- Vaculík, J. (1997). Dějiny volyňských Čechů. Díl I–II. Praha.
- Vaculík, J. (2002a). Češi v cizině — emigrace a návrat do vlasti. Brno.
- Vaculík, J. (2002b). K počátkům českého zemědělského vystěhovalectví do Ruska ve 2. polovině 19. století. In: 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a současnost. Praha. S. 195–205.
- Vaculík, J. (2009). České menšiny v Evropě a ve světě. Praha.
- Валиахметов, А.Н. (2018). Влияние Февральской революции 1917 года на формирование чехословацких воинских частей в оценке чехословацкой легионерской литературы // Манускрипт. № 6(92). С. 10–14.
- Ведерников, М.В. (2017). Оформление чешского общественно-политического движения в России накануне Первой мировой войны // Клио. № 1 (121). С. 71–81.
- Ведерников, М.В. (2015). Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. № 6. С. 122–130.
- Ведерников, М.В. (2016). Участие МИД в организации чешско-словацкой акции на территории России в середине 1916 — начале 1917 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 5. С. 62–75.
- Клеванский, А.Х. (1965). Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.
- Котов, В.В. (2024). Сокольский взлёт: спорт и политика в чешских землях (1861–1871). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История.
- Крючков, И.В. (2014). Чешские и словацкие военнопленные на территории Центрального Предкавказья в 1914–1917 гг. // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М. — СПб.: Нестор-История. С. 91–102.
- Масарик, Т.Г. (1926). Мировая революция. Воспоминания. Прага: Пламя — Орбис.
- Мошечков, П.В. (2018). Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны: от подразделений в составе Иностранного легиона до автономной армии // Славянский альманах. № 1–2. С. 98–111. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.08
- Мошечков, П.В. (2016). Национальное движение чехов и словаков во Франции в начале Первой мировой войны (июль 1914 — середина 1915 года) // Берегиня. 777. Сова. — 2016. — № 3 (30). — С. 122–129.

- Муратов, А., Муратова, Д. (2016). Забытый триумвират: Вацлав Вондрак, Алоис Тучек и Зденек Рейман. Часть 5. ruslo.cz. 28.10.2016. Available at: <https://ruslo.cz/index.php/arkhiv-zhurnala/2025/09-25/item/676-zabytyj-triumvirat-vatslav-vondrak-alois-tuchek-i-zdenek-rejman-chast-5> (accessed 13.03.2026).
- Ненашева, З.С. (2019). Чехи в России в годы Великой войны: между православием и католицизмом // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. № 1–2. С. 161–187.
- Птицын, А.Н. (2019). Чешские колонисты на Северном Кавказе в конце XIX–начале XX в.: проблемы адаптации // История народов Кавказа: диалог культур, языков и религий: К 100-летию со дня рождения профессора В. П. Невской: материалы Международ. науч.-практич. конф., 1-2 нояб. 2019 г. Ставрополь: Изд-во СКФУ. С. 119–121.
- Серapiоновa, Е.П. (2021). Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX — начало XX вв.) М.: Институт славяноведения РАН.
- Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России 1914–1917. М.: «Новалис». 2013.
- Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. М.: Кучково поле. 2018.

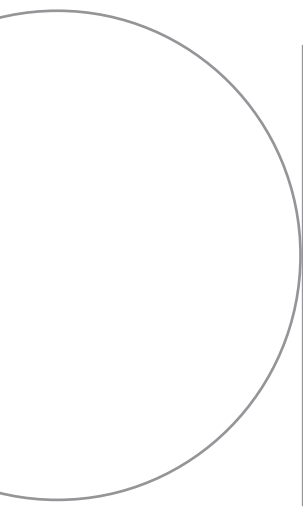
T.G. MASARYK AND RUSSIAN CZECHS

Mikhail Vedernikov

Institute of Europe of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia,
e-mail: vishma@mail.ru

Abstract. This article critically examines the role of T.G. Masaryk and Russian Czechs in the formation of an independent Czechoslovakia during the Great War. Drawing on a wide range of sources, it reconstructs the evolution of Masaryk's political strategies and the organized movement of Russian Czechs in the Romanov Empire, as well as their interactions with the governments of the Entente countries. Particular attention is paid to the institutionalization of the Czech–Slovak movement and to the growing conflicts between Russian Czechs and foreign centers led by Masaryk. The article demonstrates that Russian Czechs were among the first to articulate a program for the dismantling of Austria-Hungary and the creation of an independent state. However, their contribution was later marginalized in Czech and Western historiography under the influence of long-term political and ideological factors. It concludes that a revision of dominant narratives and a more active internationalization of Russian research on this topic are necessary.

Key words: T.G. Masaryk, World War I, Russian Czechs, politics of memory, oblivion

УДК 32.5(44+437.4)

DOI: 10.24412/2686-9756-2026-1-53-69

Петр Мошечков

Проект «угнетенных народов» Т. Г. Масарика (вторая половина 1917 – начало 1918 г.)

Аннотация. Статья посвящена одному из малоизученных явлений в истории чешско-словацкого национального движения в годы Первой мировой войны. Ее предметом является попытка ведения в конце 1917 – начале 1918 г. Чешско-Словацким национальным советом совместной политической и военной деятельности с польскими, румынскими и югославянскими организациями, действовавшими на территории бывшей Российской империи. Исторические труды по данной проблематике в большинстве случаев характеризуют руководимое Т. Г. Масариком Отделение Чешско-Словацкого национального совета для России в качестве инициатора данного сотрудничества. Однако они не освещают той роли, которую играли союзники в попытке реализации проекта. В связи с этим в работе рассмотрены позиции начальников французских военных миссий в России, Румынии и Украинской народной республике, генералов А. А. Нисселя, А. М. Бертело, Ж. Табуи и британского военного представителя на Украине майора Дж. Фицвильямса относительно использования чешско-словацких, польских и иных национальных войсковых единиц для восстановления русской армии и возобновления военных действий на Восточном фронте. Проведенное исследование показало, что проект «угнетенных народов» Масарика был тесно связан с попытками союзников восстановить боеспособность русской армии. Фактически он представлял собой видоизмененный вариант плана У. Сомерсет Моэма по привлечению к участию в данном проекте расквартированных на территории бывшей Российской империи национальных войсковых формирований. Статья основана на опубликованных документах из фондов Центрального военного архива Чешской Республики, материалах чешско-словацкой и российской периодической печати, воспоминаниях современников.

Ключевые слова: Первая мировая война, Восточный фронт, Россия, Франция, Великобритания, Украинская народная республика, Чешско-Словацкий национальный совет, Чешско-Словацкий корпус.

© **Мошечков Петр Владимирович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.
E-mail: pmoshechkov@yandex.ru

Проблема контактов между представителями чешско-словацкой акции за рубежом и национальных движений иных славянских народов во время пребывания Чешско-Словацкого корпуса на территории Украины является одним из малоизученных вопросов как в истории Чехии и Словакии, так и в отечественной истории XX в. Ему посвящено довольно малое количество трудов, в которых в основном затрагивается вопрос сотрудничества между ведущими деятелями чешско-словацкого заграничного сопротивления и польского национального движения, повествуется о попытках совместной организации обеими сторонами набора добровольцев в формируемые ими войсковые части. При этом следует подчеркнуть, что, освещая происходившие на Украине события, ученые в большинстве случаев рассматривают деятельность Т. Г. Масарика, на тот момент руководившего образованным в феврале 1916 г. Чешско-Словацким национальным советом (ЧСНС) и Отделением Чешско-Словацкого национального совета (ОЧСНС) для России. Зачастую они представляют чешско-словацкую сторону инициатором сотрудничества между действовавшими на территории бывшей Российской империи национальными организациями народов монархии Габсбургов¹. В то же время в тени остается роль, которую играли в попытке реализации этих проектов представители британской и французской военных миссий².

**Первые планы союзников по использованию
национальных воинских контингентов
для стабилизации положения на Восточном фронте**

Период конца лета — начала осени 1917 г. показал, что Россия всё более и более погружается в состояние тяжелого экономического и социально-политического кризиса. Предпринятое в июле на Восточном фронте неудачное наступление частей русской армии продемонстрировало ослабление ее военной мощи. Более очевидной становилась потеря Временным правительством контроля над внутренней ситуацией в стране (Быстрова Н. Е., 2016: 17–20). Дипломатические и военные представители Великобритании и Франции всерьез начали опасаться заключения Россией сепаратного мирного договора с Центральными державами. Ввиду этого обстоятельства правительственные круги западных держав

1 Из трудов межвоенного периода, затрагивающих данную тему, следует, в первую очередь, упомянуть следующие работы известного историка-легионера, участника чешско-словацкого движения в России Йозефа Куделы (Kudela J., 1923: 134–143; 157–167; Kudela J., 1927: 503; Kudela J., 1931–1932). Изложенные в них факты стали базой для более поздних исследований (Клеванский А. Х., 1965: 139–142; Vávra V., 1958; Fic V. M., 1977: 189–198).

2 Исключением является монография американского историка Дж. Суэйна (Swain G., 1996).

Антанты начали разрабатывать планы, направленные на предотвращение существовавшей после Февральской революции в России дезорганизации и стабилизацию положения на Восточном фронте (Niessel H.A., 1940: I–II; Swain G., 1996: 102).

Данная тенденция отчетливо проявилась уже во время состоявшейся 25–26 июля 1917 г. в Париже межсоюзнической конференции. Ее участники обсудили возможные способы восстановления боеспособности русской армии. Результатом встречи стала договоренность о разделении между Францией, Великобританией и США сфер влияния в рамках обозначенной акции. Первая должна была взять на себя реорганизацию сухопутных частей, в то время как вторая — флота. На американскую сторону возлагалось оказание помощи России в деле наведения порядка в железнодорожном сообщении (Ллойд Джордж Д., 1938: 75–76).

Среди мер, могущих способствовать достижению поставленной союзниками цели, присутствовала возникшая в Лондоне еще в конце весны 1917 г. идея достичь стабилизации внутривнутриполитического положения России, сделав ставку на сотрудничество английской стороны с российскими социалистическими партиями, выступавшими за продолжение участия страны в войне. Под ними подразумевались, в первую очередь, меньшевики (объединенная Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП)), народные социалисты (Трудовая народно-социалистическая партия) и правые эсеры. Другой стороной проекта стало намерение использовать в качестве основы для воссоздания русской армии Чешско-Словацкий корпус и иные расквартированные на территории бывшей Российской империи национальные войсковые формирования.

Одним из первых представителей британской стороны, приступивших к подготовке почвы для реализации данного плана, стал историк Б. Пэрс. Он был командирован на русский фронт в качестве военного корреспондента, а с мая 1917 г. работал под руководством посла в Петрограде сэра Дж. Бьюкенена. Принимая участие в организованной меньшевиками агитационной поездке на фронт, он вместе с представителями партии посетил штаб формировавшихся на Украине войсковых частей Чешско-Словацкого корпуса. Из своей поездки Пэрс вынес впечатление, что чешско-словацкие части обладают довольно значимым военным потенциалом (Swain G., 1996: 103–104).

Постепенно проблема возможного использования национальных войсковых подразделений стала предметом консультаций между представителями британских вооруженных сил и их французскими коллегами. Об этом косвенно свидетельствуют воспоминания генерала А.А. Нисселя, с августа 1917 г. занимавшего пост начальника французской военной миссии в России. Его путь к месту назначения из Парижа в Петроград

пролегал через Лондон, где Ниссель беседовал с представителями армии и флота Великобритании (в том числе и с сотрудниками разведывательных служб — начальником Директората военной разведки генералом Дж. Макдонахом и его сослуживцем Дж. Кокериллом). В ходе совещаний был поставлен вопрос об ограничении транспортов, предназначенных для отъезда из России «действительно могущих быть использованными» в военных действиях югославянских, чешских или эльзас-лотарингских войсковых подразделений (Niessel H.A., 1940: VIII).

Поддержку своим начинаниям союзники предполагали получить со стороны военного министра Временного правительства, генерал-майора Александра Ивановича Верховского³. Последний, наметив программу реформирования вооруженных сил страны, рассматривал организацию на территории бывшей Российской империи национальных войсковых частей (польских, украинских и иных) как один из возможных способов пробуждения в армии патриотических чувств. Интересно отметить, что А.А. Ниссель, наладивший после приезда в Петроград тесные связи с главой военного ведомства, поддержал его планы, полагая, что это позволит сохранить боеспособность армий, сражающихся на Восточном фронте. Ввиду этого Верховский уполномочил его вести переговоры с Генеральным штабом об активизации вербовки добровольцев «среди пленных эльзас-лотарингцев, поляков, чехов, румын и югославян» (Niessel H.A., 1940: 9; Torrey G.E., 2001: 210).

Незадолго до Октябрьской революции и падения Временного правительства союзники, принимая во внимание, что Чешско-Словацкий корпус был расквартирован на территории Киевского военного округа, вступили в переговоры с членом правительства автономной Украины А.Я. Шульгиным. Данная миссия была поручена военным представителям Франции и Великобритании в Киеве — начальнику военного представительства Третьей республики генералу Ж. Табуи и майору Дж. Фицвильямсу. Оба офицера предложили присоединить украинские войсковые единицы к румынской армии. Организуемым на территории региона польским подразделениям⁴ и чехо-словакам предстояло вести совместные боевые действия с формировавшимися на территории Области Войска Донского под руководством атамана А.М. Каледина и генерала

3 А.И. Верховский находился на посту военного министра с 30 августа по 21 октября 1917 г. (Залесский К.А., 2003: 110–111).

4 Речь идет о формировавшемся на Румынском фронте под началом генерала С. Станкевича II Польском корпусе и III Польском корпусе, организация которого происходила на территории Украины под руководством генерала Э. Михаэлиса де Хеннинга (Wrzosek M., 1988: 43–45).

М.В. Алексеева партизанскими казачьими отрядами и частями Добровольческой армии, с которыми британская сторона уже установила контакт (История России... 2024: 75; Венков А.В., 1996: 175–180; Ганин А.В., 2018: 159; Swain G., 1996: 107).

Проект генерала Бертело

Приблизительно в то же время вопрос об использовании национальных частей с целью стабилизации положения на Восточном фронте стал рассматриваться и высшими военными кругами Франции. Главным инициатором разработки конкретного плана действий стал начальник Генерального штаба армии Третьей республики генерал Ф. Фош. 30 ноября 1917 г. он представил на рассмотрение правительства план действий, которого должны были придерживаться союзники в своей политике по отношению к России. Фош полагал, что в первую очередь державам Антанты следовало восстановить сообщение между Владивостоком и Москвой. Для реализации этой цели был необходим контроль над Транссибирской железной дорогой, который, по замыслам генерала, могли поддерживать направленные с согласия Японии и США войсковые контингенты армий этих стран. Осуществляя поставки по магистрали, державы могли бы организовать материальное снабжение действовавших на Восточном фронте вооруженных сил и группировок, способных оказывать противостояние Центральным державам. В качестве таковых Фош называл румынскую армию, части Чешско-Словацкого корпуса, казаков и украинцев.

План начальника французского Генерального штаба подвергся обсуждению на межсоюзнической конференции, состоявшейся 29 ноября — 3 декабря 1917 г. в Париже и был принят во внимание. На американского и японского представителей в Париже была возложена задача запросить мнение своих правительств относительно мер по обеспечению сообщения на Транссибирской магистрали. Кроме того, план Фоша был изложен в специальном меморандуме, направленном в Токио и Вашингтон.

Руководство французской акцией на обозначенных территориях Ф. Фош возложил на военную миссию Третьей республики в Румынии. Ее начальник генерал А. М. Бертело, не питавший иллюзий относительно политической и военной обстановки в регионе, был вынужден подчиниться поступавшим из Парижа приказам. Ему предстояло наладить связи с местными правительствами, оказывать неофициальную поддержку формированию «очагов сопротивления» в Южной России, организовать бесперебойное снабжение дружественных Антанте войсковых контингентов и румынской армии. На базе последней предполагалось создать войско, способное вести успешные военные действия против Центральных

держав. В случае неспособности румынских подразделений удерживать фронт, им предстояло отступить в район Донбасса и объединиться здесь с готовыми сражаться на стороне Антанты силами.

Однако Румыния пошла по другому пути сохранения личного состава своей армии. 9 декабря 1917 г. она заключила перемирие с противником. Данный шаг был предложен помощником главнокомандующего Румынским фронтом генералом Д. Г. Щербачевым и одобрен королевским правительством, самим генералом Бертело и посланником Третьей республики в Румынии О. Ф. Ш. де Сент-Олером без согласования с Парижем. На фоне опасности заключения страной сепаратного мира с Центральными державами Антанте пришлось рассматривать новые варианты стабилизации обстановки на Восточном фронте. Обсуждение продолжилось 23 декабря во время совещания французских и британских глав правительств и министров иностранных дел. Его результатом стало принятие решения об определении для каждой из сторон зоны ответственности. Согласно достигнутым договоренностям, Французской Республике предстояло оказывать вспомоществование готовым к сопротивлению силам на территории Украины, Бессарабии и Крыма, а также временно на Дону. В общих чертах была установлена и программа финансирования Великобританией и Францией процесса организации частей Добровольческой армии генерала Алексева (Враг, противник, союзник? 2021: 47–49, 53, 68–70).

Получив новые инструкции от Ф. Фоша, заключавшиеся в поддержке «центров и организаций сопротивления против германцев, и, в перспективе, против большевиков», Бертело приступил к поиску возможных способов претворения данных намерений в жизнь. Его внимание оказалось обращено на Украину и Бессарабию. Обладая разветвленной сетью железных дорог и позволяя обеспечить необходимые для армии поставки, эти регионы могли служить в качестве тыла Румынского фронта⁵. Особые надежды возлагались на помощь со стороны возникших здесь автономных правительств, заявивших о своей готовности при поддерж-

5 Румынский фронт был образован 1 декабря 1916 г. по приказу Николая II. Его штаб располагался в Бырладе, а затем переехал в Яссы. Структура управления фронтом была довольно сложной: ее основой стал штаб Дунайской армии, а сами войска подчинялись штабу 6-й русской армии. Номинально должность командующего Румынским фронтом занимал Фердинанд I, однако де-факто войска подчинялись В. В. Сахарову, назначенному в качестве его помощника (помглавкорум). После Февральской революции данный пост занимал генерал Д. Г. Щербачев (с 11 апреля и вплоть до расформирования фронта 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.)) (Оськин М.В., 2019: 15–25; Залесский К.А., 2000: 231).

ке западных держав Антанты продолжать борьбу против Центральных держав (Torrey G.E., 2001: 207–208, 210–212, 214, 218).

К тому моменту находившиеся в Яссах французские дипломатические и военные представители разработали свой план оказания подобного содействия. Для замещения на некоторых участках Румынского фронта русских армий, охваченных «революционной анархией», посланник Третьей республики в Румынии О. Ф. Ш. де Сент-Олер предложил приступить к созданию на территории королевства чешских и сербских⁶ частей, командование которыми должны были осуществлять французские офицеры. Генерал Бертело поддержал эту идею. Еще в большей степени он убедился в обоснованности данного проекта после состоявшейся 22 октября 1917 г. беседы с Т. Г. Масариком. Тогда лидер ЧСНС сообщил начальнику военной миссии Третьей республики о ходе кампании по вербовке чешских и словацких добровольцев, в результате которой было успешно сформировано 8 полков, входивших в состав двух дивизий Чешско-Словацкого корпуса. Кроме того, Масарик, в частности, указал на 80 000 пленных чехов готовых вступить в чешско-словацкое войско в качестве добровольцев (Grandhomme J.-N., Roucaud M., Sarmant Th., 2000: 297, 300, 309).

Опираясь на эти сведения, Бертело предположил, что в течение зимы 1917–1918 гг. было бы возможно организовать и обучить «восемь чешских или сербских дивизий». Предусматривалась передача в руки французов и контроля над созданием польских частей. Вооружение и снаряжение для них предполагалось выделить из переданных России военных материалов. К весне подразделения должны были быть готовы к отправке на фронт. Действуя совместно с 15 дивизиями румынской армии под общим командованием генерала Щербачева, они могли бы стабилизировать обстановку на Украине, образовав единый фронт. Тем самым они обеспечили бы защиту подходов к Южной России.

Правительство Третьей республики заинтересовалось этим планом. Генерал Бертело предложил Масарику принять участие в его реализации. Однако профессор, признав на словах состоятельность данной идеи, выдвинул два условия. Во-первых, он призывал оставить в руках Отделения ЧСНС для России все полномочия по набору добровольцев среди своих

6 Вполне вероятно, что в качестве людского резерва для образования подробных подразделений, здесь имелись в виду пленные югославы. Кроме того, источником для пополнения их личного состава могли стать бывшие военнослужащие Сербского добровольческого корпуса, дезертировавшие из его подразделений или же добровольно перешедшие на службу в части русской армии. (Вишняков Я. В., Тимофеев А., Милорадович Г., 2014: 58–59, 321–322).

соотечественников, в том числе трудившихся на заводах военнопленных. Во-вторых, полномочия центрального органа чешско-словацкого национального движения за рубежом в рамках проведения кампании должны были быть гарантированы со стороны совета послов стран-союзниц в Петрограде. Кроме того, Масарик ходатайствовал, чтобы французская сторона оказывала непосредственную помощь процессу формирования и обучения войсковых единиц (Grandhomme J.-N., Roucaud M., Sarmant Th., 2000: 310–311; Масарик Т.Г., 1926: 209; Tabouis G., 1932: 149).

Довольно скоро председатель ЧСНС понял утопичность подобного плана. Посетив Румынию 20–27 декабря 1917 г. он пришел к выводу о нежелательности претворения проекта в жизнь. Во-первых, румынская сторона была неспособна взять на себя ответственность за организацию снабжения частей корпуса, ввиду полной зависимости страны от поставок продовольствия из России. Масарик не исключал возможность того, что новое российское правительство пойдет на подписание мирного договора с Центральными державами и, как следствие, прекратит снабжать Румынию продовольствием. Во-вторых, плачевное состояние расположенных на территории страны русских частей ставило под вопрос возможность оказания на Румынском фронте серьезного сопротивления неприятелю. В целом, из поездки Масарик «вынес впечатление, что Румыния вряд ли будет продолжать войну по заключении мира Украиной и Россией» (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус... 2018: 60). Он прекрасно понимал, что в случае крупномасштабного немецко-австрийского наступления частям румынской армии и Чешско-Словацкого корпуса пришлось бы отступить на территорию России. В том случае, если бы правительство последней заключило сепаратный мир с Центральными державами, предложенный А.М. Бертело план терял всякий смысл (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус... 2013: 878–879; Масарик Т.Г., 1926: 210–211).

Проект У. Сомерсет Моэма

Наиболее развернутый план действий, которые следовало предпринять на данном направлении, разработал писатель Уильям Сомерсет Моэм, в годы Первой мировой войны служивший агентом британской разведки. В конце августа — начале сентября 1917 г. по предложению близкого друга его семьи У. Вайзмана, на тот момент руководившего разведывательными операциями в США, он отправился в Россию с миссией, первоначально имевшей частный характер. В ходе подготовки к поездке в Петроград ему удалось наладить контакты с рядом находившихся в эмиграции представителей славянских национальных движений. Среди них были члены ЧСНС М.Р. Штефаник и Э. Воска, сотрудничавший

с британской разведкой и Министерством юстиции США, а также проживавший в Лондоне польский националист Ян Городынский.

Было решено, что Моэм возглавит направляющуюся из Америки в Россию группу, состоявшую из четырех чешско-словацких активистов во главе с Воской. По прибытии в Петроград 2 сентября 1917 г. последние организовали, в соответствии с предварительными договоренностями, Бюро славянской прессы (англ. *Slav Press Bureau*). Оно рассматривалось как основной канал не только для сотрудничества с российскими «социалистами-патриотами», но и для ведения пропаганды в области чешско-словацкого, польского и югославянского вопросов. Действуя в духе разработанного британской стороной политического курса, чешско-словацкие коллеги Моэма установили контакты с руководимой Г.В. Плехановым социал-демократической организацией «Единство». Данный шаг позволил руководству Бюро размещать на страницах ее одноименного печатного органа материалы, освещавшие ход национальной борьбы в польских, чешских, словацких и югославянских землях.

Прибыв в Россию несколько позже своих подчиненных, У. Сомерсет Моэм приступил к детальной разработке плана. Согласно представлениям писателя и членов его миссии, в структуру Бюро славянской прессы должны были входить три отделения, которым предстояло заниматься распространением агитационной литературы и организацией митингов на территории России. Проект Моэма предполагал привлечение к работе Бюро находившихся на территории России представителей славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Помимо чехов и словаков в его деятельности должны были принимать участие и поляки. С этой целью создавался частично финансируемый британской стороной сектор, управление которым осуществлялось исключительно польскими членами организации. При этом Моэм намеревался взять на себя наблюдение за деятельностью данной группы. Предусмотрена была и отдельная структура, которой была бы поручена деятельность по разоблачению «германских заговоров и пропаганды в России». Руководство ею предполагалось передать Э. Воске (Swain G., 1996: 105, 109).

Для реализации этого плана на практике Моэм через посредничество своих коллег по миссии вступил в переговоры с находившимся на тот момент в Петрограде председателем ЧСНС Т. Г. Масариком. К тому моменту профессор, будучи свидетелем стремительно ухудшающейся обстановки как на Восточном фронте ввиду успешного наступления германских войск на Рижском плацдарме, все в большей степени склонялся к мысли о необходимости переброски на Французский фронт части чешско-словацких войсковых единиц и отрядов, сформированных из освобожденных из плена чехов и словаков. Нельзя не согласиться с мнением

историка Дж. Суэйна, что на тот момент Масарик мог скептически отнестись к созданию Бюро и ведению им агитационной деятельности. Делая все возможное для сохранения в целостности Чешско-Словацкого корпуса, он не видел никакой выгоды в установлении связи между чехо-словаками и казаками — ведь в данном случае войсковые единицы пришлось бы передислоцировать из окрестностей Киева на Юго-Западный фронт и использовать их на двух направлениях, установив связь с Румынским фронтом и Доном. Таким образом, отмечает Суэйн, позиция Т. Г. Масарика являлась довольно серьезным препятствием для реализации разработанной английским писателем стратегии (Swain G., 1996: 105–106, 110, 112).

Однако Моэм, по-прежнему ожидавший значительных успехов от применения на практике своего проекта, принял решение ознакомиться с его содержанием Вайзмана. Последний отнесся к этому плану с осторожностью: признав целесообразность одновременной поддержки социалистических партий и славянских национальных движений, он считал его довольно дорогостоящим предприятием. В связи с этим он предложил своему подчиненному встретиться в Лондоне с целью обсудить детали готовящегося предприятия и возможные риски, с которыми пришлось бы столкнуться при его претворении в жизнь.

18 ноября У. Сомерсет Моэм приехал в Лондон. К запланированным беседам с У. Вайзманом, в которых принимал участие и Я. Городынский, постепенно подключились министр без портфеля в британском Кабинете Э. Карсон и генерал Макдонах. 21 ноября Карсон сообщил о предложении Моэма правительству⁷. Следующим событием, побудившим правительство страны проявить интерес к проекту оказания поддержки донским казакам, стала телеграмма Бьюкенена от 23 ноября 1917 г., в которой содержалась информация об обращении к нему группы банкиров, действовавших от лица атамана Каледина. Данные обстоятельства способствовали тому, что уже во время заседания Кабинета министров, состоявшегося 29 ноября 1917 г., план получил одобрение со стороны главы внешнеполитического ведомства страны лорда Р. Сесила. Однако через некоторое время стала очевидна его уязвимость. Рассчитывать на то, что Каледину и Алексееву удастся сформировать какие-либо значимые войсковые единицы не приходилось (Swain G., 1996: 105–106, 110, 112).

Помимо переговоров в Лондоне, детали готовящейся военной операции обсуждались и в Яссах, где в конце ноября 1917 г. состоялось совместное собрание представителей союзников, белого движения,

7 Интересно отметить, что в списке народов, на которые предстояло опереться при реализации плана в жизнь, отсутствовали чехи и словаки (Swain G., 1996: S. 111–112).

чешско-словацкой и румынской сторон. Присутствовавший на заседании румынский король Фердинанд I заявил о готовности осуществить силами находившихся под его началом войск прорыв германских позиций с целью установить соединение с казачьими формированиями на Дону. Как отмечал монарх, данная операция могла быть осуществлена лишь при условии помощи со стороны союзников. Представители последних, рассматривая возможность ее претворения в жизнь, обратились к чехо-словакам. Им предложили направить части своего войска на юг для занятия области между Бессарабией и Доном. Однако делегаты Отделения ЧСНС для России отклонили этот вариант, сославшись на провозглашенный ранее принцип невмешательства корпуса во внутрироссийские дела. Вполне вероятно, что они действовали в соответствии с директивами Масарика, который не дал согласие на участие частей Чешско-Словацкого корпуса в совместных боевых действиях с Добровольческой армией. На тот момент профессор полагал, что более выгодным для интересов «заграничного сопротивления» было бы сотрудничество с правительством недавно провозглашенной Украинской Народной Республики (УНР) (Swain G., 1996: 113).

Концепция Т. Г. Масарика

Предложенная председателем ЧСНС стратегия должна была представлять, по сути, видоизмененный вариант плана У. Сомерсета Моэма. Отныне ключевым становился тезис о необходимости присутствия в регионе в случае начала процесса возрождения русской армии, помимо Чешско-Словацкого корпуса, войсковых единиц, сформированных из представителей народов-подданных монархии Габсбургов (в первую очередь, поляков и югославян), равно как и образование украинской национальной армии. Согласно его мнению, последние могли вступить в сотрудничество с румынской стороной, однако при этом прямого вовлечения славянских частей в совместные действия с армией королевства не предполагалось. Оставалось лишь определить масштаб той помощи, которую они могли бы оказать в деле формирования русской армии (Swain G., 1996: 113; Masaryk T.G., 2008: 311–313; Wiśniewski J., 2017: 84).

Интересно отметить, что впервые Масарик заявил о необходимости привлечения «угнетенных народов» монархии Габсбургов к стабилизации положения на Восточном фронте еще в речи, произнесенной 20 октября (2 ноября) 1917 г. в зале киевского купеческого собрания (Masaryk T.G., 2017: 290–296; Лекция проф. Масарика...1917). Профессор выступил с приветствием и во время заседания съезда казаков, состоявшегося 21 октября (3 ноября) 1917 г., выразив солидарность чешско-словацкого движения с намерениями представителей данного сословия возродить

российскую государственность и подтвердил готовность частей Чешско-Словацкого корпуса проводить совместные военные действия с казачеством (Казачий слёт... 1917)⁸.

Однако первым шагом на пути реализации проекта должно было стать установление тесного сотрудничества между чешско-словацким и польским национальными движениями. В конце ноября — начале декабря 1917 г. представители польской и чешско-словацкой сторон организовали в помещении Чешско-словацкого кредитного учреждения в Киеве совместное собрание. Его основной целью стала демонстрация взаимной дружбы, а также политической и культурной общности двух народов. В качестве основных докладчиков выступили Т.Г. Масарик и крупный деятель Польской национально-демократической партии профессор Станислав Грабский, на переговорах также присутствовали заместитель председателя ОЧСНС П. Макса и руководитель польской диаспоры в Киеве И. Бартошевич (Kudela J., 1927: 503; Wiśniewski J., 2017: 88). Участники встречи выразили согласие с предложенным лидером ЧСНС проектом. На собрании было принято решение о проведении в Киеве крупной публичной акции всех «угнетенных» народов дуалистической монархии.

Для организации этой манифестации был образован специальный подготовительный комитет. В его состав вошли не только чехи, словаки и поляки, но и представители югославян и румын. За день до собрания к нему присоединились и австро-венгерские украинцы.

Сам митинг состоялся вечером 29 ноября (12 декабря) 1917 г. Местом его проведения стала арена городского цирка. Руководителем митинга был избран Макса. Большинство среди его участников составляли военнослужащие Чешско-Словацкого корпуса, военнопленные чехи и словаки. Присутствовали на мероприятии и представители правительственных учреждений УНР и местных общественных организаций. В конце митинга была принята совместная резолюция. В ней содержался призыв заложить основы для сотрудничества между малыми народами в борьбе против Центральных держав (Митинг народов... 1917; Za svobodu... 1924: 641–642, 646; Kudela J., 1923: 157–158).

Уже после завершения манифестации было решено приступить к практическим шагам. Первым из них стало превращение 13 декабря 1917 г. комитета во главе с П. Максой в Совещательную комиссию народов, угнетенных немецким и австро-венгерским империализмом. Ее целью стала организация общих действий в политической, экономиче-

8 Перевод обращения Т.Г. Масарика на чешский язык был опубликован в номере журнала «Ческословенски вояк» от 1 ноября 1917 г. в рубрике «Разные новости» (Prof. Masaryk kozákům...1917: 14).

ской, военной и культурной сферах. В состав комиссии вошли представители четырех организаций: Чешско-Словацкого национального совета, Польского совета межпартийного объединения, Румынской вербовочной комиссии в Киеве и Центрального Югославянского комитета. Устав вновь образованной организации предполагал принятие в ее состав представителей иных народов, симпатизирующих деятельности комитета.

Политика пришедших к власти в России и на Украине новых правительств, стремящихся к заключению сепаратного мира с Центральными державами, показала членам Совецательной комиссии необходимость координации действий между различными национальными войсковыми частями, дислоцированными на территории Украины. Основным направлением ее деятельности стала попытка налаживания систематического, в том числе и военного, сотрудничества между малыми народами Центральной Европы. Были сделаны попытки провести совместный набор чешских, словацких, польских и румынских добровольцев. Так, чешско-словацкие эмиссары получили право проводить набор волонтеров среди польских военнопленных. В свою очередь, вербовщики-поляки снабжались соответствующими чешско-словацкими удостоверениями. Данную меру пришлось принять, поскольку представители чешско-словацкой стороны обладали бóльшим опытом деятельности на данном направлении. При этом особое внимание Т. Г. Масарик обращал на необходимость обеспечения взаимной безопасности. Для этого он предлагал сосредоточить части организуемого на Украине под руководством генерал-лейтенанта Э. Михаэлис де Хеннинга III Польского корпуса в непосредственной близости от мест квартирования чешско-словацких частей. Что же касается налаживания общих контактов с румынами в рамках набора добровольцев, то такая практика существовала уже достаточно длительное время.

Сотрудничество между чешско-словацкой и польской сторонами продолжилось после того, как в Москве по настоянию секретаря Польского совета межпартийного объединения К. Лютославского была предпринята попытка создания Союза народов Центральной Европы. Поляки обратились к руководству ОЧНС с просьбой оказать помощь в проведении пропаганды среди своих соотечественников. Кроме того, был затронут и вопрос о статусе польских и чешско-словацких делегатов на будущей мирной конференции. Следовало подготовиться к тому, чтобы на ней один и тот же делегат от чешско-словацкой или польской стороны мог бы отстаивать интересы обоих народов. Это было важно, особенно в том случае, если бы по каким-либо причинам на ней оказался представитель лишь одного из них (Kudela J., 1923: 159; Wiśniewski J., 2017: 84–85).

Проект «угнетенных народов» Т. Г. Масарика был одобрен французской стороной, которая стала настаивать на его скорейшей реализации. Получив такую поддержку, назначенный комиссаром Французской Республики в Киеве генерал Ж. Табуи рассматривал возможность отправки на западное крыло Румынского фронта чешско-словацких и польских частей. В ходе проведенных 5 января 1918 г. переговоров с генеральным секретарем (министром) иностранных дел УНР А. Я. Шульгиным он предложил украинской стороне незамедлительную военную помощь с привлечением чешско-словацких, польских и румынских войсковых единиц. Для реализации данной акции французский военный представитель от имени правительства Третьей республики пообещал предоставить крупный заем на сумму около 50 млн рублей, организовать снабжение войск военным снаряжением и оказать дипломатическую поддержку. Командовать объединенными чешско-словацко-польскими вооруженными силами предполагалось назначить члена французской военной миссии в Румынии генерала П. А. Лафонта. Было высказано намерение образовать в Киеве совместный чешско-польский штаб. Несколькими днями ранее, 2 января 1918 г., ответственный за военную помощь Украине полковник Ванье предложил военной комиссии при Отделении ЧСНС для России организовать и объединенный чешско-словацко-польско-украинский совет по снабжению национальных частей продовольствием и снаряжением. Французский офицер сообщил, что по данному вопросу им уже были проведены переговоры с правительством УНР. Основной целью создания этой структуры была координация действий по обеспечению продовольствием и снаряжением (Fic V. M., 1977: 195).

Поддержка военными представителями Третьей республики инициированного Т. Г. Масариком и его коллегами по ОЧСНС проекта по сближению «угнетенных народов» Австро-Венгрии стала кульминацией их стремления возобновить военные действия на Восточном фронте. Однако, после неудачных попыток союзников привлечь УНР на свою сторону, данный проект потерял всякую значимость. Принятие Центральной Радой 9 (22) января 1918 г. IV Универсала, провозгласившего Украинскую народную республику независимым государством, и подписание 27 января (9 февраля) 1918 г. в Брест-Литовске украинской делегацией сепаратного мирного договора с Центральными державами стали последними событиями, обозначившими провал планов Масарика по реорганизации русской армии.

* * *

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод. Разработанный Т. Г. Масариком проект «угнетенных народов» и все предпринятые в его рамках акции были тесно связаны с планами союзников по восстановлению боеспособности русской армии. Основной причиной потери им актуальности стала нестабильная политическая ситуация в Украинской народной республике, которую как чешский профессор, так и военные представители Франции и Великобритании рассматривали в качестве одного из возможных участников проекта. Стремление украинского правительства к ведению мирных переговоров о сепаратном мире с блоком Центральных держав вынудило чехо-словаков отказаться от реализации своих замыслов, а заключение им сепаратного мира фактически сделало недействительным предложенный председателем ЧСНС и поддержанный союзниками план по использованию Украины в качестве плацдарма для восстановления русской армии и возобновления военных действий на Восточном фронте. Такое положение дел было невыгодно Отделению ЧСНС для России. Ключевым элементом его деятельности было стремление сохранить целостность Чешско-Словацкого корпуса как боеспособной войсковой единицы, не допустить его деморализации. Единственным приемлемым решением в сложившейся ситуации могла стать лишь отправка данного формирования на Западный фронт. 14 (27) января 1918 г., во время встречи глав военных миссий союзников в Киеве, Т. Г. Масарик заявил о своем намерении признать Чешско-Словацкий корпус автономной частью формируемой на территории Франции Чешско-Словацкой армии. Представители стран Антанты выразили свое согласие с данным предложением. 25 января (7 февраля) 1918 г., во время 29-го заседания Президиума ОЧСНС для России, Масариком и его коллегами был одобрен и подписан текст соответствующего заявления (Prohlašení... 1918: 1). 20 февраля начался процесс вывода частей корпуса с мест их прежней дислокации и их отъезда с территории Украины (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус... 2018: 8).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Казачий слёт // Киевлянин. 1917. 22 X. С. 2.
Лекция проф. Масарика // Киевлянин. 1917. 22 X. С. 2.
Митинг народов // Československý denník. 1917. 5 XII. S. 2.
Ллойд Джордж, Д. (1938). Военные мемуары. М.: Государственное социально-экономическое издательство. Т. 5.
Grandhomme, J.-N., Roucaud, M., Sarmant, Th. (2000). La Roumanie dans la Grande Guerre et l'effondrement de l'Armée Russe: édition critique des rapports du général Berthelot, chef de la Mission militaire française en Roumanie, 1916–1918. Paris: Harmattan. 461 p.

- Masaryk, T.G. (2008). *Válka a revoluce*. Praha: Ústav T.G. Masaryka: Masarykův ústav AV ČR. Díl 2: Články — memoranda — přednášky — rozhovory 1917.
- Niessel, H.A. (1940). *Le triomphe des bolchéviki et la paix de Brest-Litovsk. Souvenirs. 1917–1918*. Paris: Plon. X, 382 p.
- Tabouis, G. (1932). *Comment je devins commissaire de la République Française en Ukraine. Quelques notes et souvenirs* // Праці українського наукового інституту. Варшава: б.и. Т. 8: Спогаді. С. 141–161.
- Быстрова, Н.Е. (2016). «Русский вопрос» в 1917–начале 1920 гг.: Советская Россия и великие державы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 366 с.
- Венков, А.В. (1996). Добровольческая армия // Донской временник. Год 1997-й. Вып. 5. С. 175–180.
- Вишняков, Я.В., Тимофеев, А., Милорадович, Г. (2014). Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. Сборник документов. М.: б.и. 404 с.
- Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Павлов. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. Т. 1.
- Ганин, А.В. (2018). Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Пятый Рим. 864 с.
- Залесский, К.А. (2003). Кто был кто в Первой мировой войне. М.: Астрель: АСТ. 894 с.
- Залесский, К. А. (2000). Первая мировая война: правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече. 576 с.
- История России: в 20 т. М.: Наука, 2024. Т. 12: Гражданская война в России, 1917–1922 гг. Кн. 1: Военное и политико-дипломатическое противостояние.
- Клеванский, А.Х. (1965). Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914–1922. М.: Наука.
- Масарик, Т.Г. (1926). *Мировая революция*. В 2 т. Прага: Орбис. Т. 1.
- Оськин, М.В. (2019). Создание Румынского фронта в конце 1916 года: политика компромисса между союзниками Антанты на Востоке // Славяноведение. № 1. С. 15–25.
- Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы / сост. К.А. Абрамян, А.Р. Ефименко, З.С. Ненашева, Н.С. Тархова и др. М.: Новалис, 2013. Т. 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг.
- Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы / сост. А.Р. Ефименко и др. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2: Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг.
- Fic, V.M. (1977). *Revolutionary War for Independence and the Russian Question. Czechoslovak army in Russia (1914–1918)*. New Delhi: Abhinav Publications. 270 p.
- Kudela, J. (1927). *Československé a polské vojsko v Rusku* // Slovanský přehled. Roč. XIX. Č. 7. S. 497–516.
- Kudela, J. (1931–1932). *Masaryk v OČSNR na Rusi* // Naše Revoluce. Roč. VII. Sv. 1. S. 1–31; Sv. 2. S. 161–169; Sv. 3. S. 281–291; Roč. VIII. Sv. 3. S. 254–271; Sv. 4. S. 399–421.
- Kudela, J. (1923). *Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi*. Praha: Nákladem “Památníku Odboje”. 233 s.
- Swain, G. (1996). *The origins of the Russian Civil War*. London; New York: Longman. 296 p.
- Torrey, G.E. (2001). *Henri Mathias Berthelot. Soldier of France, Defender of Romania*. Iași; Oxford; Portland: The Center for Romanian Studies. 400 p.
- Vávra, V. *Klamná cesta: příprava a vznik protisovětského vystoupení čs. legií*. Praha: Naše vojsko, 1958. 277 s.

- Wiśniewski, J. (2017). Kwestia polsko-czechosłowackiej współpracy wojskowej w Rosji (listopad 1917–styczeń 1918). Koncepcje Tomáša G. Masaryka // *Dzieje Najnowsze. Roczn. XLIX. N 4*. S. 75–96.
- Wrzosek, M. (1988). Polskie formacje wojskowe w Rosji (1914–1920) // *Zeszyt Naukowy Muzeum Wojska. № 2. S. 43–45*.
- Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi. Praha: Nákladem vlastním, 1924. Kn. 2. Díl III: Pod vedením prof. T.G. Masaryka / za vrchní red. br. R. Medka.

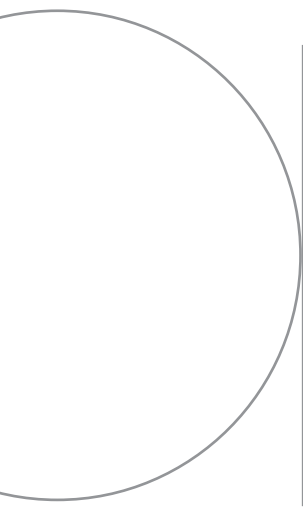
T.G. MASARYK'S "OPPRESSED NATIONALITIES" PROJECT (THE SECOND HALF OF 1917 – THE BEGINNING OF THE 1918)

Petr Moshechkov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: pmoshechkov@yandex.ru

Abstract. The article deals with one of the insufficiently explored phenomena in the history of the Czechoslovak national movement during World War I. Its subject is the Czechoslovak National Council's attempt to lead joint political and military activities with Polish, Romanian, and Yugoslavian organizations which operated on the territory of the former Russian Empire. For the most part, historical works characterize the Russian Branch of the Czechoslovak National Council, led by T.G. Masaryk, as the initiator of this cooperation. Yet they don't shed light on the role that the Allies played in the attempt to realize these projects. In this connection, the article examines the viewpoints of the chiefs of the French military missions in Russia, Roumania and the Ukrainian People's Republic, Generals H. A. Niessel, H. M. Berthelot, G. Tabouis and the British military representative in Ukraine Major G. Fitzwilliams on the use of the Czechoslovak, Polish, and other national military units for the restoration of the Russian army and the renewal of hostilities on the Eastern Front. The study shows that Masaryk's "oppressed nationalities" project was closely connected with the Allied attempt to restore the military efficiency of the Russian Army. In fact, it represented the modified variant of W. Somerset Maugham's plan of utilization of national military units stationed on the territory of the former Russian Empire. The article is based on published documents from the collections of the Central Military Archive of Czechia, as well as materials from Czechoslovak and Russian periodical press, and the memoirs of contemporaries.

Keywords: World War I, Eastern Front, Russia, France, Great Britain, Ukrainian People's Republic, Czecho-Slovak National Council, Czecho-Slovak Army Corps.

УДК 327

DOI: 10.24412/2686-9756-2026-1-70-80

Таира Китаева

Эволюция образа Т.Г. Масарика в политике памяти Чехии и Словакии

Аннотация. Память об исторических личностях в Чехии и Словакии представляет особый интерес в силу множественных исторических трансформаций государств, переживших опыт существования как в рамках Габсбургской империи, так и в социалистическом блоке. Т.Г. Масарик – первый президент первой Чехословацкой республики, позиционируемый как «отец нации», получил неоднозначную оценку, которая не разменялась под воздействием времени и обстоятельств. Отношение к личности Масарика на современном этапе определяется разными факторами, которые значимы не только с точки зрения памяти о конкретной исторической фигуре, но и представляют интерес как методы формирования исторической политики в целом.

Ключевые слова: политика памяти, Чехия, Словакия, Т.Г. Масарик.

Политика памяти в странах Центральной Европы с момента распада социалистического блока играет особо значимую роль, выступая не только инструментом формирования в обществе определённых исторических нарративов, но и источником легитимации власти. В силу этого обстоятельства память об определённых исторических личностях становится предметом дискуссий и напрямую зависит от политического режима, внешнеполитической ориентации государства и ситуации на международной арене. В Чехии и Словакии вопрос исторической памяти занимает особое место в силу длительного пребывания государств в социалистическом блоке, а также «бархатного развода» 1993 г.

Важно отметить, что методология *memory studies* требует проведения различия между политикой памяти и исторической политикой. Так, политика памяти определяется как более общее понятие — комплекс методов, направленных на конструирование определённого исторического нарратива в отдельно взятом государстве, причём она включает в себя как действия государственных органов и политических элит, так и восприятие этих действий гражданами государств. Историческая политика же выступает скорее составной частью политики памяти — то есть непосредственными действиями определённых акторов (Историческая политика..., 2012). В статье будет рассмотрена как историческая политика Чехии и Словакии, так и политика памяти в целом — то есть то, какое влияние имеют политические действия акторов на формирующиеся нарративы.

Политика памяти выступает ключевым элементом в процессе формирования национальной идентичности в странах Вишеградской группы после «бархатных» революций. Сами государства внесли немалый вклад в развитие и расширение методов политики памяти, став, например, первыми создателями Институтов памяти — специализированных учреждений, финансируемых государством, чаще всего направленных на переосмысление истории XX столетия. Подобный институт впервые появился в Польше в 1998 г., затем в Словакии в 2003 г., в 2007 г. в Чехии (Китаева Т.С., 2025). Кроме Институтов памяти государства Вишеградской группы активно проводили мероприятия, направленные на формирование определённого восприятия прошлого, а также преодоление коллективных травм. К ним относятся люстрация, раскрытие архивов, законы, осуждающие деятельность отдельных должностных лиц периода социализма, организация музеев и выставок, посвящённых более ранним событиям национальной истории, а также активное включение в общеевропейский миф памяти о Холокосте (Бетмакаев А.М., 2021: 47–54).

Имя Т.Г. Масарика в Чехии и Словакии тесно сопряжено с понятием государственности, поскольку именно Масарик стал первым президентом

независимой Чехословакии в 1918 г. В то же время Масарик известен как основной идеолог и проводник политики «чехословакизма» — сближения чешского и словацкого народа и превращения их в единую нацию. Масарик является и автором множества законов в области национальной политики. Все эти факты способствуют формированию его неоднозначного образа — с одной стороны — талантливого политического деятеля и «отца нации», с другой — виновника последующего взрыва межнациональных конфликтов, которые предрешили судьбу первой республики.

Трансформация образа Т.Г. Масарика в официальной государственной идеологии

Отношение к Масарику как со стороны властей, так и со стороны простых граждан менялось с течением времени. Так, первоначальное восприятие Масарика как основателя Чехословакии сохранялось до конца Второй мировой войны и прихода к власти в Чехословакии социалистов в 1948 г. В этот период фигура Масарика оценивается как сугубо историческая, а, учитывая его неоднозначное отношение к России и, в частности, осуждение им революции 1917 г., имя Масарика переходит в разряд не самых популярных исторических деятелей. В то же время фигура Масарика начинает прочно ассоциироваться с Первой чехословацкой республикой, которая оценивалась социалистическим режимом как буржуазное капиталистическое государство. Интересно при этом, что политика новой социалистической власти в отношении фигуры первого чехословацкого президента не сразу приняла подобный образ. Изначально, с 1948 по 1950 гг. (верхняя граница обусловлена юбилеем Масарика в 1950 г.) коммунисты стремились позиционировать себя как наследников и продолжателей предыдущего режима, легитимизируя тем самым свой приход к власти в глазах народа. Памятные события в честь юбилея Масарика в 1950 г. не были отменены, однако уже позиционировались скорее, как дань традиции, нежели настоящий национальный праздник. Такой неоднозначный подход просматривается, например, по брошюре, изданной в честь юбилея Масарика в 1950 г. двумя ключевыми для сталинской пропаганды в Чехословакии фигурами — Зденеком Неедлым и Вацлавом Копецким. Несмотря на внимание к личности Масарика, оба публициста открыто заявляют, что ключевым для истории Чехословакии событием стоит считать не признанное ранее основание Чехословацкой республики в 1918 г., а революцию в России 1917 г. и приход к власти большевиков (Мейер Х., 2024: 137–160). Уже с 1953 г. начинается активная антимасариковская пропаганда: его труды не публикуются, памятники демонтированы, а в учебниках истории период его нахождения у власти в Чехословакии был обозначен как эпоха угнетения трудящихся, кото-

рый, в конечном итоге, привёл к Мюнхенскому сговору. Государственная библиотека в пражском районе Клементинум исключила его имя из авторского каталога (Бродска З., 1986: 241–246).

В то же время подобное критическое отношение со стороны властей формировало большее признание Масарика среди диссидентских кругов, которые часто цитировали работы первого президента, обращаясь к ним как к истокам чехословацкой государственности. При этом даже новые события в истории Чехословакии получали переосмысление также через призму исторического опыта, в том числе с обращением к идеям Т.Г. Масарика. Так, события Пражской весны 1968 г., ставшие темой длительной дискуссии в диссидентских кругах Чехословакии, что особенно ярко видно по известному спору В. Гавела и М. Кундеры о чешской судьбе и роли чешской нации в истории, также стали катализатором повышенного внимания к идеям Масарика (Задорожнюк Э.Г., 2014: 261–275). В этот период в целом трансформируется восприятие Масарика с исключительно исторической личности к символу демократических начал в Чехословакии и сопротивления коммунизму.

Период «нормализации», начавшийся в последующую за подавлением Пражской весны эпоху, вновь перенёс Масарика в разряд персон нон-грата для официальной идеологии. Интересен в этой связи источник, напечатанный самиздатом в 1980 г. — статья диссидента Петра Питхарта «Признания пророка в Чехии», где политик рассуждает о судьбе наследия Масарика в период «нормализации», которое, в силу сакрализации самой фигуры лидера и формирования культа, перестало восприниматься как вклад в философию, литературу или общественную мысль, в силу чего не могло получить развития или критики, а перешло в разряд «священных текстов», не подвергавшихся глубинному осмыслению (Малевиц О.М., 2021). Кроме того, именно в это время в Праге начинает печататься целый самиздатский сборник «Т.Г. Масарик и наше время». Редакторами машинописного сборника выступили Милан Маховец, Петр Питхарт и Йозеф Дубский, включившие в него более 20 эссе разных авторов, документы, иллюстрации и библиографию о Масарике на 60 страницах. Статьи сборника раскрывают самые разные темы, связанные с жизнью и деятельностью Масарика, однако неизменной общей чертой каждой выступает почти однозначно положительный образ Масарика. Во многих обличается политика коммунистов по исключению его из общественного дискурса. Имеется и статья с говорящим названием «Что Т.Г. Масарик значит для нас сегодня?» Й. Гаека, нацеленная на оценку восприятия Масарика в современной автору действительности, причём, что интересно, сам автор — бывший коммунист — открыто пишет о своих ранних «ошибках» в восприятии Масарика и его наследия, которые были

вызваны «парализующим оцепенением мысли сталинизма» (Бродска З., 1986: 241–246).

Настоящий расцвет память о Масарике приобретает после «бархатной» революции 1989 г. Уже в первые годы после нее изменившаяся линия правительства отразилась и в реальных политических шагах. Так, началось массовое возвращение топонимов, связанных с именем Масарика, были заново установлены памятники, самым знаковым из которых стоит признать конную статую Масарика на Градчанской площади в Праге, которая была торжественно открыта в 2000 г. В 1990 г. был учреждён орден Т.Г. Масарика — государственная награда Чехословакии, которая присуждалась за «выдающийся вклад в развитие демократии, гуманизма и прав человека» (Řád Tomáše Garrigue Masaryka...). Им были посмертно награждены многие чехословацкие диссиденты. В том же 1990 г. был восстановлен переименованный ранее Масариков университет в Брно. Начинается и активно переосмысление трудов Масарика в научной литературе. В первые после «бархатной» революции годы начался поток апологетической литературы, идеализировавшей как самого Масарика, так и его деятельность (Йироушек Б., 2025: 37–53). Во многом этому способствовала и официальная пропаганда пришедшего к власти В. Гавела, чей образ президента-философа удачным образом перекликался с образом Масарика. В дальнейшем апологетика уступила место более сбалансированным работам, со временем появилась и критика отдельных мер Масарика, в особенности тех, которые касались национальной политики. После «бархатного развода» в 1993 г. политика «чехословакизма», пропагандировавшая единство чешского и словацкого народа, очевидным образом была дискредитирована.

Позиция официального руководства также претерпела изменения. Выступление В. Клауса — председателя Палаты депутатов чешского парламента в 2000 г. — полно противоречивых утверждений. Наряду с характеристиками типа «величайшей личности чешской истории XX в.» Клаус критикует сформировавшийся в чешском обществе «миф о Масарике», не только обвиняя политиков и общественность в излишней идеализации образа, но и подвергая отдельные политические шаги Масарика конструктивной критике. Как замечает Клаус, «миф о Масарике» был необходим чешскому обществу для того, чтобы сплотиться в непростую эпоху обретения государством независимости в 1989 г., однако теперь может быть критически осмыслен (Клаус В., 2000).

Эволюция образа Т.Г. Масарика в общественном мнении

Интересны в этом контексте опросы общественного мнения, которые демонстрируют разницу в восприятии фигуры Масарика в различные эпо-

хи. Так, согласно исследованиям, проводившимися разными агентствами в Чехословакии в первое послевоенное десятилетие, эпоха Первой республики оценивалась населением скорее негативно в силу сохранившейся памяти об экономическом кризисе 1930-х и событиях Мюнхенского сговора 1938 г. Пражская весна резко изменила сложившийся исторический канон, ценности свободы и демократии притягивали всё большее внимание общественности, а Первая чехословацкая республика и её лидер Т.Г. Масарик стали восприниматься как оплоты демократических начал в Чехословакии. Трансформация в отношении общественности к Первой чехословацкой республике в 1970-е гг. стала важным индикатором углубления кризиса между чешской и словацкой частями населения. Так, в 1970-е гг. чехи считали главной датой своей истории создание Первой чехословацкой республики в 1918 г., а словаки уже больше выделяли Словацкое национальное восстание 1944 г. В 1990-е гг. размежевание произошло окончательно не только под воздействием распада единого государства, но и по вполне понятным причинам, связанным с внешнеполитическими интересами. Так, время Первой республики было отодвинуто на задний план, уступив позиции эпохе Карла IV как более отвечающей новому направлению европейской интеграции, к которому в это время стремилась Чехия (Коровицына Н.В., 2019: 133–134).

Интересно при этом, что наряду с внешнеполитическими ориентациями и особенностями внутривнутриполитического развития на образ Масарика оказывали влияние и различные трансформации в самой политике памяти. Так, с появлением в Чехии и Словакии в 2000-х гг. Институтов памяти, деятельность которых была направлена на критику социалистического периода развития Чехословакии, интерес к Масарику перешёл из плоскости политической в сугубо научную. Актуализация определённых личностей и событий, таким образом, напрямую зависит от внешнеполитических обстоятельств и текущего дискурса, что в случае Чехии и Словакии определило резкую переориентацию с менее актуальных проблем национальной истории на более политизированные коллективные травмы периода социализма.

Говоря о современности, невозможно обойти вниманием опросы общественного мнения, которые были приурочены к 2018 г. — символической для чехов и словаков годовщине множества событий национальной истории, начиная от основания первой республики в 1918 до Пражской весны 1968 г. Исходя из данных опросов, проведённых социологическим агентством CVVM, Т.Г. Масарик занял первое место в списке выдающихся личностей национальной истории, к которой относится «однозначно положительно» большая часть опрошенных. Вместе с этим период Первой республики занимает второе по популярности место после «бархатной

революции» 1989 г. в списке значимых исторических событий в чешской и словацкой истории. С утверждением, что Первая чехословацкая республика была справедливым государством в отношении всех национальностей согласно лишь чуть более половины опрошенных, в то время как треть из них и вовсе «не знает ответа на вопрос». При этом около 72% чехов и словаков признают Первую чехословацкую республику образцом демократии. Интересно при этом рассмотреть дифференциацию мнений по национальному признаку. Так, если чехи в списке наиболее значимых событий для чешской истории ставят Первую Чехословацкую республику на второе место после «бархатной революции», то у словаков она находится лишь на восьмом месте (Приложение 1). Ещё более радикальной видится разница в ответах на вопрос о положительно оцениваемых исторических личностях. Если большинство чехов оценивают Масарика как наиболее положительного персонажа истории, то у словаков он стоит лишь на третьем месте, причём треть из них оценивают его как значимую, но скорее отрицательную историческую личность (CVVM... 2018).

Такое различие между восприятием Масарика в Чехии и Словакии объясняется не только «обидой» словаков на Масарика за национальную политику Первой республики, но и важной тенденцией словацкой политики памяти — выстраивании собственного пантеона национальных героев, стремления отделиться от навязанного столетиями чешского взгляда. Этим объясняется и стремление словаков найти «свой ответ» традиционно чешскому герою — Т.Г. Масарику в лице собственного словацкого героя — М.Р. Штефаника — признанного основателем словацкой нации, лидирующего во всех опросах общественного мнения (Крылова О.С., Рокина Г.В., 2020). Популярности Штефанику в глазах словаков добавляет и факт его разногласий с Масариком, которого даже часто подозревают в причастности к трагической гибели Штефаника. Кроме него пантеон национальных словацких героев занимают «будитель» Людовит Штур и лидер Пражской весны — Александр Дубчек.

Подобное восприятие обществом Масарика естественным образом вытекает из проводимой правительствами и политическими элитами стран исторической политики. Её можно проследить по яркому событию 2025 г. В сентябре 2025 года в Чехии в присутствии высших государственных лиц было вскрыто «завещание Масарика» — пятистраничный документ, написанный первым президентом незадолго до смерти. В своём «завещании» Масарик даёт наставление потомкам, характеризует ведущих политических деятелей Чехословакии периода 1930-х гг. и анализирует национальный вопрос. Интерес представляет не только сам факт внимания со стороны властей к фигуре Масарика, но и реакция лидеров Чехии и Словакии. Так, если чешский президент Петр Павел ещё до раскрытия

документа призвал не идеализировать исторических личностей, отметив, что Масарик был «живым человеком и имел свои ошибки», однако подчеркнул его патриотизм и стремление обеспечить Чехословакии счастливое будущее. Кроме того, чешский лидер не упустил возможности актуализировать слова Масарика о патриотизме, который, по мнению президента, заключается в любви к своему народу, а не в ненависти к другим, что, как отметил Петр Павел, очень важно напомнить перед октябрьскими парламентскими выборами (*Tajemná obálka...*). Реакция словацких политиков и общественности была гораздо более радикальная. Внимание словаков привлекла в первую очередь характеристика важного деятеля словацкой истории, католического священника и основателя словацкой партии — Андрея Глинки, которого Масарик в «завещании» называет «дураком». Вице-председатель словацкой национальной партии Дагмар Крамплова, комментируя завещание назвала Масарика «либеральным и антисловацким» политиком, а словацкие СМИ, широко освещая тему, делали акцент именно на резкой характеристике Глинки, позиционируя Масарика, тем самым, как настроенного враждебно по отношению к словакам и словацким национальным героям президента (*Otvorili tajomný list... 2025*).

* * *

Таким образом, можно заключить, что память о Т.Г. Масарике претерпела множественные трансформации, вызванные как изменениями в политической системе и идеологии, так и новыми приоритетами политики памяти Чехии и Словакии на современном этапе. В данный момент Масарик воспринимается по-разному в Чехии и Словакии, что связано, в первую очередь, с неоднозначными шагами Масарика в области национальной политики Первой республики, а также стремлением Словакии выстроить собственный, отличный от Чехии, пантеон национальных героев. В Чехии апологетика первых лет после «бархатной» революции сменилась более спокойным и взвешенным отношением к фигуре Масарика, который всё ещё воспринимается как «отец нации» и «символ демократии», однако часто подвергается критике и уже не идеализируется так, как в прошлые эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Jiroušek, B.* (2025). Tomáš Garrigue Masaryk As a Subject of Scientific Apology After 1989. *Dějiny — Teorie — Kritika*. No. 1. P. 31–53. DOI: 10.14712/24645370.5000
- Meyer, H.* (2024). Eine per „lid“ gedeckelte Würdigung. Das exzessive offizielle Schreiben zum 100. Geburtstag T.G. Masaryks vor der Löschung seines Namens aus der tschechoslowakischen Öffentlichkeit. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Vol. 80, Issue 1. P. 137–160.

- Otvorili tajomný list Tomáša Garrigua Masaryka, Andreja Hlinku v ňom nazýva hlupákom. Aktuality.sk. 19.09.2025. Available at: <https://www.aktuality.sk/clanok/kfm7bf2/otvorili-tajomny-list-tomasa-garrigua-masaryka-andreja-hlinku-v-nom-nazyva-hlupakom/> (accessed 27.02.2026).
- Řád Tomáše Garrigue Masaryka (ČSFR). Československé řády a vyznamenání — Czech Medals and Orders Society. Available at: https://www.vyznamenani.net/?page_id=133 (accessed 26.02.2026).
- Tajemná obálka se slovy TGM otevřena. Prezident je diktoval jindy, než se čekalo. Aktualne.cz. 19.09.2025. Available at: <https://zpravy.aktualne.cz/domaci/tgm/r-5b9c3aa8952f11f0bb77ac1f6b220ee8/?lp=1> (accessed 26.02.2026).
- Бетмакаев, А.М. (2021). Влияние политики памяти в странах Вишеградской группы на формирование региональной идентичности // Дневник Алтайской школы политических исследований № 37. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 47–54.
- Бродска, З. (1986). Пражская дань уважения наследию Масарика. Т. 5. С. 241–246.
- Задорожнюк, Э.Г. (2014). Чешская доля: иллюзии и реальности (полемика Милана Кундеры и Вацлава Гавела) // Poznariskie Studia Slawistyczne. Poznari. №6. Р. 261–275.
- Историческая политика в XXI веке. Науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение. 2012.
- Китаева, Т.С., Ведерников, М.В. (2025). Институты памяти Чехии и Словакии: сравнительный анализ // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. №2. № 2. С. 28–39. DOI: 10.15211/vestnikieran20252839
- Клаус, В. (2000). Masaryk a jeho obraz v dnešní české společnosti. klaus.cz. 02.03.2000. Available at: <https://www.klaus.cz/clanky/1207> (accessed 26.02.2026).
- Коровицына, Н.В. (2019). Как живут центральноевропейцы после «бархатных» революций: поляки, чехи, словаки. М.: Институт Европы РАН.
- Крылова, О.С., Рокина, Г.В. (2020). «Самый главный словак» в исторической памяти современной Словакии // Ученые записки Казанского университета. Т. 162. кн. 6. С. 185–193. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.6.185-1
- Малевиц, О.М. (2001). Томаш Гарриг Масарик. Белорусская электронная библиотека. Available at: <https://biblioteka.by/m/articles/view/TOMASH-GARRIG-MASARIK> (accessed 26.02.2026).

THE EVOLUTION OF T.G. MASARYK'S IMAGE IN THE MEMORY POLITICS OF THE CZECHIA AND SLOVAKIA

Taira Kitaeva

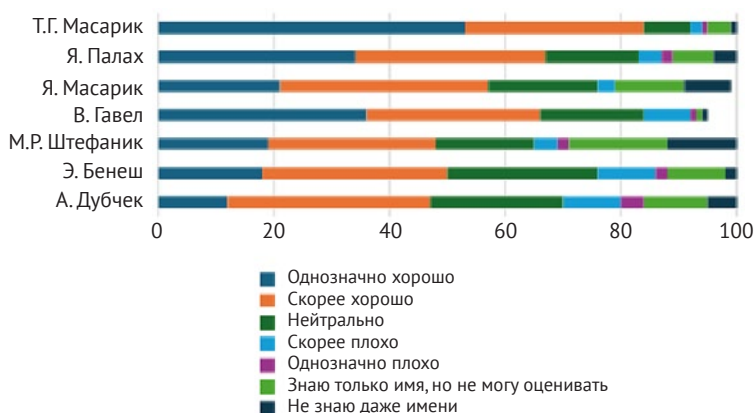
MGIMO University, Moscow, Russia, e-mail: Taya_Kit@mail.ru

Abstract. The memory of historical figures in Czechia and Slovakia is of particular interest due to the multiple historical transformations of these states, which experienced both rule under the Habsburg Empire and membership in the socialist bloc. T.G. Masaryk, the first president of the first Czechoslovak Republic and often referred to as the “father of the nation”, has received mixed reviews that have evolved over time. The attitude towards Masaryk's personality at present is determined by various factors that are significant not only for understanding the memory of a particular historical figure, but also as reflections of past approaches to shaping historical policy.

Keywords: memory politics, Czechia, Slovakia, T.G. Masaryk

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

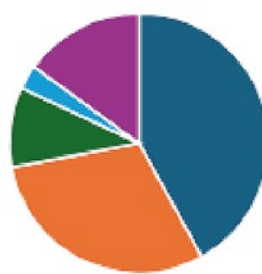
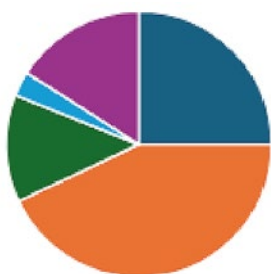
Как вы относитесь к значимым в истории Чехии и Словакии историческим личностям? (в %)

Благодаря созданию
Первой Чехословацкой
республики чехи выжили
как народ

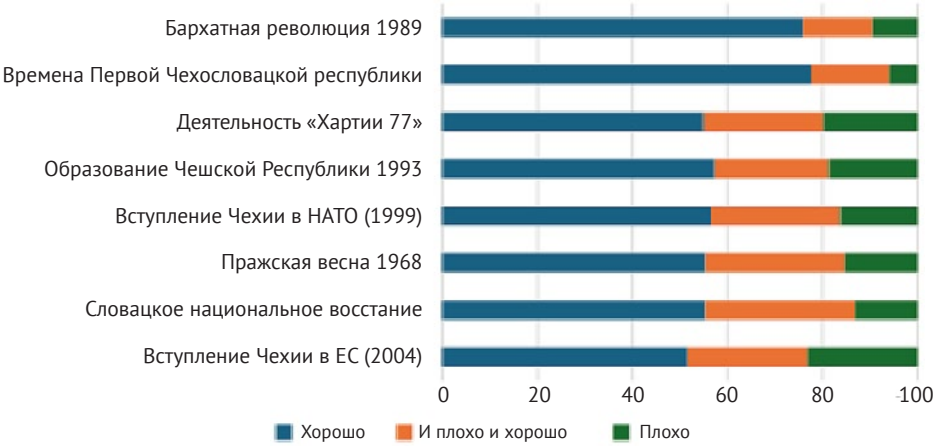
Устройство Первой
Чехословацкой республики
было справедливым по
отношению ко всем народам
и народностям, которые в ней
жили

Первая Чехословацкая
республика для своего
времени была образцом
демократии и развитости

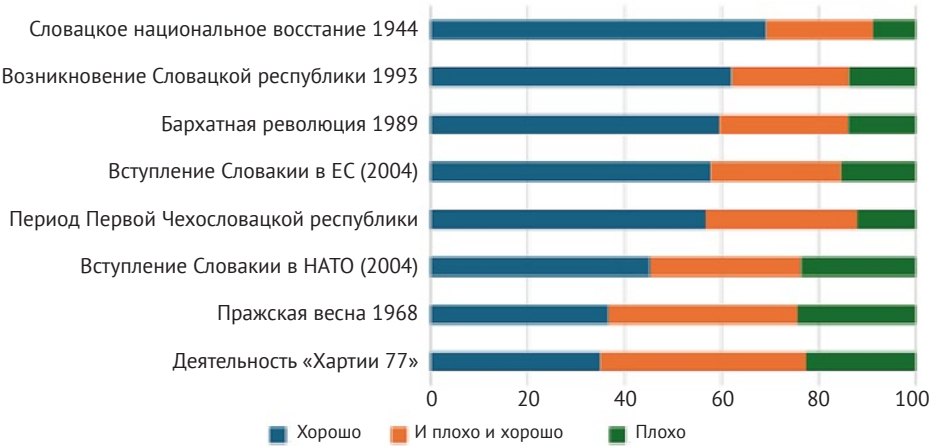

- Однозначно согласен
- Скорее согласен
- Скорее не согласен
- Однозначно не согласен
- Не знаю

Наиболее важные позитивные периоды или события глазами чешского общества (в %)

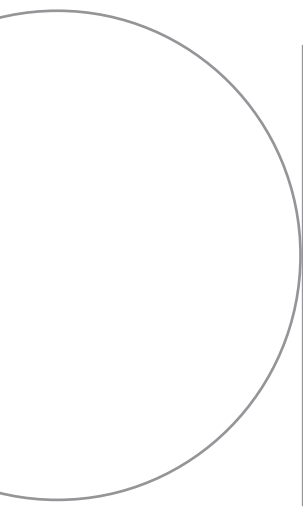

Наиболее важные позитивные периоды или события глазами словацкого общества (в %)

Личности истории XX и XXI столетия глазами чешского и словацкого общества

Чехия			Словакия		
	Хорошо (%)	Плохо (%)		Хорошо (%)	Плохо (%)
Т.Г. Масарик	84	3	М.Р. Штефаник	65	5
Ян Палах	67	6	А. Дубчек	60	7
Вацлав Гавел	66	14	Т.Г. Масарик	45	12
М.Р. Штефаник	48	6	М. Ходжа	37	8
Э. Бенеш	50	12	Л. Свобода	35	12
А. Дубчек	47	14	Вацлав Гавел	39	23
Л. Свобода	35	16	Ян Палах	28	12
Ф. Кригель	16	6			

УДК 94(485)*19/":93.02
DOI: 10.24412/2686-9756-2026-1-81-94

Луциана Гоптова

Образ Т.Г. Масарика в современных словацких учебниках истории

Аннотация. В исследовании анализируется образ Т.Г. Масарика в современных словацких учебниках истории для 8-го и 9-го классов основной школы, а также для 3-го класса гимназии. Исследуется представление его образа в отдельных тематических разделах и проводится сравнительный анализ подходов к его описанию в зависимости от уровня образования. Результаты показывают, что в учебниках для основной школы Т.Г. Масарик конструируется преимущественно как символическая государствообразующая личность, в то время как в учебнике для гимназий он представлен в более глубоком политическом и идеологическом контексте. Также уделяется внимание использованию исторических источников и иллюстративных материалов в процессе передачи его образа.

Ключевые слова: Томаш Гарриг Масарик, учебники истории, заграничное движение сопротивления, Чехословакия.

Томаш Гарриг Масарик — одна из ключевых фигур современной чехословацкой истории. Его значение как философа, политика, основателя и первого президента Чехословацкой Республики выходит за рамки национальной истории и охватывает широкий европейский контекст. В историческом сознании Т.Г. Масарик ассоциируется не только с возникновением общего государства чехов и словаков, но и с идеалами демократии, гуманизма и политической морали, которые стали неотъемлемой частью его общественного образа.

Ключевым пространством, в котором этот образ передается подрастающим поколениям, является школьное преподавание истории. В Словацкой Республике история изучается как обязательный предмет в основных и всех типах средних школ¹. Основная школа охватывает уровень неполного среднего образования (5–9-е классы), в то время как среди средних школ преподавание истории наиболее полно представлено в гимназиях, являющихся единственным типом общеобразовательной средней школы. В рамках четырехлетней программы гимназий история преподается с 1-го по 3-й класс, тогда как в других типах средних школ ее изучение более ограничено и сосредоточено в основном к младшим классам (Гоптова Л., Рокина Г.В., 2021: 39–40).

Значительную роль в учебном процессе играют учебники, поскольку они транслируют не только основные исторические факты, но и ценностные интерпретации прошлого. В Словацкой Республике учебники истории для основных школ и гимназий централизованно утверждаются государством и служат основным дидактическим инструментом работы учителей и учащихся². То, как в этих учебниках представлена фигура Т.Г. Масарика, существенно влияет на формирование исторического со-

- 1 Содержание учебного предмета «История» в настоящее время определяется и регламентируется Государственными образовательными программами. Они не только определяют тематические блоки и конкретные темы для каждого класса, но и устанавливают требования к знаниям и умениям учащихся посредством образовательных стандартов. Для основных школ действует Государственная образовательная программа для уровня неполного среднего образования (2-я ступень основной школы), а для гимназий — Государственная образовательная программа для полного среднего общего образования. Более подробная информация представлена в образовательных стандартах по предмету «История» для основной школы и гимназий (Národný Inštitút... 2014; Národný Inštitút...).
- 2 Учебники истории прошли процедуру одобрения Министерством образования, науки, исследований и спорта Словацкой Республики. В их подготовке принимали участие историки, методисты и педагоги с многолетним практическим опытом. В основной школе используется комплект из пяти учебников истории (для каждого класса), а в гимназиях — комплект из трех учебников (1–3-й классы). Анализируемые издания неоднократно перерабатывались авторскими коллективами и выпускались различными издательствами на протяжении последних лет.

знания молодежи. Его образ варьируется между ролями политического деятеля, интеллектуального авторитета и символической фигуры демократического государства.

Целью данного исследования является анализ представления фигуры Т.Г. Масарика в современных словацких учебниках истории. Внимание сосредоточено на трех изданиях: учебнике для 8-го класса основной школы, учебнике для 9-го класса основной школы и учебнике для 3-го класса гимназии. В работе рассмотрен не только авторский текст, но и вспомогательный аппарат учебника: исторические источники, фотографии и дополнительные рубрики, раскрывающие многогранность личности Т.Г. Масарика.

Первое анализируемое издание, в котором представлена личность Т.Г. Масарика, — это учебник истории для 8-го класса основной школы (Krasnovský B., Bednářová M., Ulrichová B., 2011). В нем рассказывается о «долгом» XIX в. и формировании современных наций, а также прослеживается историческое развитие с конца XVIII в. до Первой мировой войны. Содержание разделено на четыре основных тематических блока: «На пути к современным нациям», «Современная словацкая нация», «Австро-Венгрия» и «Первая мировая война»; они следуют друг за другом в хронологическом порядке и создают полную картину политических, социальных и экономических преобразований той эпохи. Учебник интегрирует европейскую и мировую историю с историей словаков, уделяя особое внимание усилиям по национальному освобождению и политическому сопротивлению во время Первой мировой войны. В этом контексте конструируется и образ Т.Г. Масарика. Он присутствует в тексте не только как один из ключевых политических представителей заграничного движения сопротивления и соавтор общего государства чехов и словаков, но и как важный интеллектуальный авторитет, оказавший влияние на словацкую молодежь.

Первая тема в учебнике для 8-го класса, связанная с первым президентом Чехословакии, носит название «Деятельность словаков по самозащите» и является частью тематического блока «Австро-Венгрия». Т.Г. Масарик упоминается в нем в связи с формированием взглядов словацкой студенческой молодежи в Праге на рубеже XIX и XX вв. Он представлен как профессор Пражского университета, чьи идеи оказали влияние на словацких студентов и способствовали развитию идеи чешско-словацкого сотрудничества. Авторы учебника интерпретируют его роль не как политического деятеля, а как интеллектуального наставника. Его деятельность раскрывается в связи с работой общества Чехосла-

вянское единство³ и группы «гласистов»⁴ (словацк. *hlasisti*), которые продвигали идею сближения двух народов (Krasnovský B., Bednářová M., Ulrichová B., 2011: 66).

В рамках темы «Соппротивление словаков и чехов» (тематический блок, посвященный Первой мировой войне) Т.Г. Масарик выступает уже как одна из центральных фигур заграничного движения сопротивления⁵. В отличие от предыдущего тематического блока, в котором Т.Г. Масарик фигурирует лишь эпизодически, в этой интерпретации он предстает как ключевой политический лидер, идеологический инициатор и законный представитель совместных усилий чехов и словаков по освобождению.

В тексте учебника отмечается отъезд Т.Г. Масарика за границу и его деятельность, направленная на продвижение идеи независимого государства на международной арене. Особое внимание уделяется работе Т.Г. Масарика в США, где он представлен как ключевой посредник в сотрудничестве между чешскими и словацкими земляческими организациями. В этом контексте в учебнике прямо упоминаются два документа Кливлендское и Питтсбургское соглашения — как основополагающие акты заграничного движения сопротивления. В то время как Кливлендское соглашение (1915 г.) представлено как результат широкого взаимодействия между земляками, то Питтсбургское соглашение (1918 г.) предстает как продукт политических усилий Т.Г. Масарика.⁶ В интерпретации учебника это укрепляет его позиции как центральной фигуры сопротивления и ключевого архитектора процесса государственного строительства (Krasnovský B., Bednářová M., Ulrichová B., 2011: 82).

Т.Г. Масарик далее помещается в рамки коллективного руководства главным политическим органом заграничного движения сопротивления — Чехословацким национальным советом (1916 г.), где вместе с Ми-

3 Общество Чехославянское единство, основанное в 1896 г. в Праге, систематически развивало чешско-словацкое сотрудничество в период перед Первой мировой войной.

4 «Гласисты» — группа словацкой национально ориентированной интеллигенции, объединившаяся вокруг журнала «Глас» (словацк. *Hlas*), который издавался в 1898–1904 гг.

5 В то же время необходимо отметить, что согласно Государственной образовательной программе для уровня неполного среднего образования (2-я ступень основной школы), изучение Первой мировой войны отнесено к программе 9-го класса. Таким образом, наличие этой темы в учебнике для 8-го класса создает несоответствие между официальным стандартом и содержанием учебного пособия. На практике это может привести к тому, что в 8-м классе данный вопрос либо вовсе не рассматривается, либо ему уделяется минимальное внимание. Подробнее см. (Národný Inštitút... 2014).

6 В учебнике Питтсбургское соглашение представлено не только в основном тексте, но и в форме краткого фрагмента первоисточника и иллюстративного материала. Эти элементы служат для наглядной демонстрации значимости документа в контексте заграничного движения сопротивления чехов и словаков.

ланом Растиславом Штефаником и Эдвардом Бенешем он выступает в качестве его ведущего представителя, хотя в учебнике не уточняется внутреннее разделение их компетенций (Krasnovský B., Bednářová M., Ulrichová B., 2011: 82).

После проблематики заграничного движения сопротивления логически следует тема «На пути к единому государству словаков и чехов»⁷, в которой возникновение республики представлено как результат политических и социальных процессов периода Первой мировой войны. В данном контексте Т.Г. Масарик предстает как центральная фигура, окончательно выведшая идею общего государства на международную арену.

При анализе учебника в рамках данной темы особое внимание уделяется Вашингтонской декларации (1918 г.)⁸, которую Т.Г. Масарик разработал во время своего пребывания в США. Документ представлен как ключевой политический акт, формулирующий причины развала Австро-Венгрии и определяющий демократические основы будущего государства. В учебнике подчеркивается, что декларация гарантировала принципы демократии, прогресса и гуманности. Далее в тексте констатируется, что Т.Г. Масарик официально передал этот документ правительству США в Вашингтоне в октябре 1918 г. (Krasnovský B., Bednářová M., Ulrichová B., 2011: 86).

За темой «На пути к единому государству словаков и чехов» следует заключительная тема — «Милан Растислав Штефаник и Томаш Гарриг Масарик». В ней говорится о двух ключевых личностях, чьи имена неразрывно связаны с возникновением общей республики⁹. В данном разделе интерпретация учебника смещается с описания исторических процессов на выделение роли конкретных исторических деятелей.

Т.Г. Масарик представлен как важная государствообразующая личность, деятельность которой тесно связана с возникновением общего государства двух братских народов. Учебник развивает предыдущие темы, рассматривая деятельность Масарика в контексте Первой мировой войны и событий 1918 г., при этом подчеркивая его многолетнюю работу за границей и вклад в продвижение идеи общего государства. В текст также включена краткая биография Т.Г. Масарика, адаптированная под возрастные и когнитивные способности учеников; она охватывает

7 Тема «На пути к единому государству словаков и чехов» является частью тематического блока «Первая мировая война».

8 Вашингтонская декларация представлена в учебнике в виде наглядного материала, который выполняет главным образом иллюстративную и мотивационную функции.

9 В рамках этой темы также приводится краткая биография Э. Бенеша.

его происхождение, образование и основные этапы жизненного пути (Krasnovský B., Bednářová M., Ulrichová B., 2011: 92).

По сравнению с предыдущими темами, образ Т.Г. Масарика приобретает в этой части учебника более выраженный личностный аспект. Благодаря биографической интерпретации и манере изложения он предстает как позитивная личность, легитимирующая процесс создания государства; при этом его историческая роль смещается с позиции политического представителя на уровень символической фигуры основателя государства. Т.Г. Масарик представлен в тесной связи с личностью М.Р. Штефаника, при этом в учебнике подчеркивается их тесное сотрудничество в рамках заграничного движения сопротивления (Krasnovský B., Bednářová M., Ulrichová B., 2011: 91–92).

Частью этой темы также является рубрика «Речь источников», в которой приводится фрагмент произведения чешского писателя Карела Чапека «Беседы с Т.Г. Масариком». В нем будущий президент ретроспективно описывает свои действия в США на заключительном этапе Первой мировой войны. В произведении основное внимание уделяется его деятельности, направленной на укрепление единства чехов и словаков, переговорам с американскими русинами и усилиям по привлечению поддержки американских общественных и политических кругов, включая президента Вудро Вильсона. Частью источника также являются размышления Т.Г. Масарика о моменте, когда он получил телеграмму о своем избрании президентом Чехо-Словацкой Республики¹⁰, а также о его последующем возвращении на Родину (Krasnovský B., Bednářová M., Ulrichová B., 2011: 92).

В то же время, в рубрике «Речь источников» представлен агитационный материал с изображением Т.Г. Масарика, который визуально дополняет биографически ориентированную интерпретацию. Источник сопровождается лозунгом «Правда побеждает!» (чеш. *Pravda vítězí!*) и вместе с портретом Т.Г. Масарика и двумя его историческими фотографиями составляет часть иллюстративного материала по данной теме (Krasnovský B., Bednářová M., Ulrichová B., 2011: 93).

Поскольку учебник истории для 8-го класса основной школы заканчивается периодом Первой мировой войны, образ Т.Г. Масарика в нем сосредоточен прежде всего на деятельности заграничного движения сопротивления и процессе возникновения общего государства. Его личность представлена как символическая государствообразующая

10 В период 1918–1920 гг. использовалось название Чехо-Словацкая Республика. Официальное название Чехословацкая Республика было окончательно закреплено в законодательстве лишь с принятием Конституции в феврале 1920 г.

фигура, что соответствует возрастным и познавательным способностям школьников.

Вторым анализируемым изданием в контексте изучаемого вопроса является учебник истории для 9-го класса основной школы под названием «В поисках прошлого» (Kováč D. et al., 2020). Учебник посвящен истории XX и начала XXI вв. и охватывает период от начала Первой мировой войны до вступления Словацкой Республики в НАТО и Европейский союз. Содержание разделено на пять основных тематических блоков: «Первая мировая война», «Европа между двумя мировыми войнами», «Вторая мировая война», «Мир после Второй мировой войны» и «История современности», что позволяет создать хронологически упорядоченную интерпретацию новейшей истории. Учебник объединяет мировую и национальную (чехословацкую и словацкую) историю, акцентируя внимание на ключевых политических, социальных и культурных процессах. Одной из отличительных особенностей анализируемого пособия является сочетание авторского пояснительного текста с работой над историческими источниками, изобразительным материалом, вопросами и методическими указаниями, способствующими развитию критического мышления школьников. Особое внимание уделено значимым историческим личностям, среди которых и Т.Г. Масарик.

Т.Г. Масарик фигурирует в учебнике в основном в контексте темы «Словацкое и чешское заграничное движение сопротивления» во время Первой мировой войны¹¹. В тексте подчеркивается, что борьба за создание общего государства началась уже в первые месяцы войны, когда Т.Г. Масарик, находясь за границей, продвигал идею распада Австро-Венгрии. В учебнике он представлен как значимая фигура этого сопротивления; он упоминается как инициатор дипломатической деятельности и автор меморандумов, адресованных государствам Антанты. В этой связи авторы учебника указывают на его сотрудничество с шотландским историком Робертом Уильямом Сетоном-Уотсоном, благодаря которому Т.Г. Масарик продвигал идею независимого государства на международном уровне (Kováč D. et al., 2020: 16).

В учебнике Т.Г. Масарик также представлен как одна из центральных фигур заграничного движения сопротивления в связи с созданием Чехословацкого национального совета в 1916 г. в Париже, где он выступает вместе с М.Р. Штефаником и Э. Бенешем (Kováč D. et al., 2020: 16).

Заграничное движение сопротивления также усиливалось благодаря деятельности словацких и чешских земляческих организаций за рубежом.

11 Тема «Словацкое и чешское заграничное движение сопротивление» — часть тематического блока «Первая мировая война».

В учебнике в этой связи упоминаются Кливлендское соглашение (1915 г.) и Питтсбургское соглашение (1918 г.)¹² как документы, декларировавшие совместные действия чехов и словаков. Интерпретация Питтсбургского соглашения в учебнике упоминается косвенно: указывается, что оно было подтверждено 30 мая 1918 г. в Питтсбурге по инициативе Т.Г. Масарика. Его имя, однако, прямо не упоминается в авторском пояснительном тексте в связи с самим актом подписания, но более отчетливо фигурирует при описании Вашингтонской декларации от октября 1918 г.¹³ В учебнике отмечается, что посредством этого документа Т.Г. Масарик объявил о создании независимой демократической Чехо-Словацкой Республики (Kováč D. et al., 2020: 16).

Составной частью данной темы также является рубрика «Галерея личностей», в которой представлена биография Т.Г. Масарика.¹⁴ В ней приводятся основные биографические сведения о его происхождении, образовании и политической карьере, а также упоминается его участие в заграничном движении сопротивления в годы Первой мировой войны. Кратко отмечается, что он занимал пост президента Чехословацкой Республики до 1935 г. Биографический текст носит преимущественно информативный и описательный характер, служа дополнением к авторскому пояснительному тексту учебника. Биография также дополнена его портретом (Kováč D. et al., 2020: 16).

С фигурой Т.Г. Масарика мы также встречаемся в отдельной теме, посвященной личности М.Р. Штефаника. Учебник напоминает, что их отношения формировались уже во время учебы М.Р. Штефаника в университете в Праге, где он стал приверженцем философии и политических взглядов Т.Г. Масарика (Kováč et al., 2020: 18). В теме «Милан Растислав Штефаник (1880–1919 гг.)»¹⁵ Т.Г. Масарик играет второстепенную, но важную роль, особенно в контексте сотрудничества в рамках заграничного движения сопротивления в годы Первой мировой войны. В учебнике в этой связи подчеркивается вклад М.Р. Штефаника в налаживание контактов с французскими политическими и дипломатическими кругами, благодаря которым Т.Г. Масарик был введен в широкую международную

12 Составной частью данной темы также является изображение Питтсбургского соглашения.

13 С отрывком из текста Вашингтонской декларации учащиеся могут ознакомиться посредством исторического источника и иллюстративного материала, которые являются составной частью данной темы.

14 Помимо Т.Г. Масарика в рамках данной темы в рубрике «Из галереи личностей» отдельно представлена и биография Э. Бенеша, что подчеркивает значимость обеих ключевых фигур заграничного движения сопротивления.

15 Тема «Милан Растислав Штефаник (1880–1919 гг.)» является частью тематического блока «Первая мировая война».

дипломатическую среду (Kováč D. et al., 2020: 18). Образ Т.Г. Масарика в данной теме представлен как часть более широкого контекста деятельности М.Р. Штефаника, что подтверждает коллективный характер заграничного движения сопротивления (Т.Г. Масарик — М.Р. Штефаник — Э. Бенеш).

В другой теме, озаглавленной «Новые государства на карте Европы» в рамках тематического блока «Межвоенная Европа», Т.Г. Масарик упоминается в связи с возникновением Чехословацкой Республики как одного из новых послевоенных государств. В тексте подчеркивается, что Чехословакия задумывалась как демократическое государство, что косвенно подтверждает связь имени Т.Г. Масарика с демократическим характером новой республики. В данном контексте Т.Г. Масарик представлен как носитель демократических принципов, на которых было построено государство, а его личность помогает конкретизировать более широкое понимание послевоенного устройства Европы (Kováč D. et al., 2020: 28).

За изложением материала об образовании независимой республики следует тема «Вхождение Словакии в состав чехо-словацкого государства»¹⁶, в которой внимание читателя перенесено на внутривнутриполитические и административные отношения в новом государстве. Имя Т.Г. Масарика фигурирует в этой теме только во вступительной цитате словацкого писателя и политика Мартина Разуса от 1930 г.: «Т.Г. Масарик, несомненно, является одной из величайших личностей нашего времени. Он сделал многое для чешского и словацкого народов» (Kováč D. et al., 2020: 30). В самом авторском пояснительном тексте учебника личность Т.Г. Масарика далее не раскрывается, так как основное внимание уделяется процессу интеграции Словакии в чехско-словацкое государство и решению послевоенных внутривнутриполитических проблем. В учебнике истории для 9-го класса основной школы имя первого чехословацкого президента более не встречается в последующих темах, посвященных межвоенному периоду.

Последним проанализированным изданием в контексте рассматриваемой нами проблематики является учебник истории для 3-го класса гимназий и средних школ (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021). Он посвящен истории XX и начала XXI вв. и прослеживает развитие от Первой мировой войны до нынешних интеграционных и глобализационных процессов. Интерпретация материала составлена в хронологическом порядке с акцентом на политические, социальные и идеологические трансформации современной истории в европейском и мировом контексте, при этом

16 Тема «Вхождение Словакии в состав чехо-словацкого государства» является частью тематического блока «Межвоенная Европа».

особое внимание уделяется развитию событий на территории Словакии и остальных территорий Чехословакии.

Содержание учебника разделено на десять тематических блоков: «Первый глобальный военный конфликт»; «Словацкий вклад в создание Чехо-Словакии»; «Демократия против тоталитаризма: Европа между двумя войнами»; «Словакия в Чехословацкой Республике»; «Вторая мировая война»; «Словацкая Республика 1939–1945»; «Конфликт идеологий — мир в годы холодной войны»; «Словакия в коммунистической Чехословакии»; «Глобализация и путь к европейской интеграции»; «Словакия, новая перспектива». Учебник сочетает в себе авторский пояснительный текст с работой над историческими источниками и иллюстративными материалами, в то время как исторические личности включены в повествование прежде всего как участники более широких политических и социальных процессов.

Т.Г. Масарик фигурирует в этом учебнике для гимназий в более глубоком политическом и идеологическом контексте, чем в учебниках истории для основной школы. Уже во введении к тематическому блоку «Словацкий вклад в создание Чехо-Словакии», посвященному теме «На путях заграничного движения сопротивления», Т.Г. Масарик представлен как ключевой инициатор, который дал заграничному движению сопротивления необходимую «четкую программу и руководство» (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 34).

В отличие от учебников для основной школы, в данном тексте подчеркивается роль Т.Г. Масарика в изгнании уже в декабре 1914 г. и упоминается о создании Чешского заграничного комитета в Лондоне в октябре 1915 г. в качестве первого центрального органа заграничного движения сопротивления¹⁷.

Далее в учебнике описывается деятельность Т.Г. Масарика во главе Чехословацкого национального совета в Париже, председателем которого он являлся¹⁸. В тексте прямо говорится, что дипломатический авторитет Т.Г. Масарика подкреплялся связями М.Р. Штефаника, которые позволили ему убедить государства Антанты в том, что распад Австро-Венгрии приведет к возникновению новых государств, дружественных Франции (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 36).

17 Авторский пояснительный текст также сопровождается исторической фотографией ключевых представителей чехословацкого заграничного движения сопротивления — Т.Г. Масарика, М.Р. Штефаника и Э. Бенеша.

18 В тексте указывается, что вице-председателем совета был М.Р. Штефаник, а его секретарем был Э. Бенеш.

Особое внимание уделяется деятельности Т.Г. Масарика в США в 1918 г. В учебнике его приезд описывается как «триумфальная манифестация единства сопротивления», и ему приписывается авторство Питтсбургского соглашения (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 37). В анализе авторского пояснительного текста подчеркивается роль Т.Г. Масарика как главного создателя документа. В учебнике отмечается, что в этом документе Т.Г. Масарик гарантировал Словакии ее собственный парламент и словацкий язык в качестве официального, но избегал термина «федерация», который содержался в предыдущем Кливлендском соглашении 1915 г. (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 37). В учебнике это различие прямо комментируется следующим образом: «Однако, в отличие от Кливлендского соглашения, в нем говорилось не о равном положении двух частей государства в федерации, а только о самоуправлении Словакии, что означало асимметрию» (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 37). Таким образом, интерпретация учебника иллюстрирует концепцию Т.Г. Масарика о чешско-словацком государстве, в котором словацкое самоуправление понималось как часть единого политического целого¹⁹.

Т.Г. Масарик также изображен в этой части повествования как стратег, который под влиянием успехов чехословацких легионов в России и переговоров с президентом В. Вильсоном добился того, что США приняли идею создания Чехо-Словакии (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 37).

Особый раздел посвящен Т.Г. Масарику в рубрике «Из исторических источников», куда включен отрывок из его заявления о создании чехо-словацкого государства. Данный источник представляет Т.Г. Масарика как политического мыслителя и деятеля, который интерпретирует обретение независимости прежде всего как результат заграничного движения сопротивления, революционного выступления против Австро-Венгрии и активного участия чехов и словаков в Первой мировой войне на стороне Антанты (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 38).

На завершающем этапе Первой мировой войны в учебнике Т.Г. Масарик упоминается в связи с Вашингтонской декларацией от октября 1918 г., которая стала реакцией на попытки габсбургского монарха Карла I федерализировать монархию. В тексте декларации, которую Т.Г. Масарик передал правительству США, намечены основные принципы будущего государственного устройства, включая гарантию гражданских свобод, защиту меньшинств и введение избирательного права для женщин (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 40).

19 В учебнике в рубрике «Из исторических источников» также представлены отрывки из Кливлендского и Питтсбургского соглашений.

Имя Т.Г. Масарика вновь появляется в тексте в рамках этой темы при описании событий 28 октября 1918 г., где в учебнике подчеркивается преемственность внутреннего и заграничного движения сопротивления. Указывается, что в рамках политических соглашений с Т.Г. Масариком считались как с будущим президентом республики, что символически связало провозглашение независимости в чешских землях с деятельностью заграничного движения сопротивления и определило политическое направление нового государства (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 41).

В следующем тематическом блоке «Словакия в Чехословацкой Республике», в теме под названием «Чехословацкая Республика — малый аналог Австро-Венгрии?», Т.Г. Масарик выступает скорее в имплицитной, чем в активной роли. Основной авторский пояснительный текст сосредоточен на внутренних условиях Чехословацкой Республики, национальном и религиозном вопросах или взаимоотношениях чехов и словаков, при этом личность Т.Г. Масарика в тексте не раскрывается. Его присутствие ограничивается в основном рубрикой «Из исторических источников», где он предстает как символический основатель государства и носитель демократических ценностей, которые послужили идеологической основой новой республики. В частности, приводится краткий отрывок из труда Т.Г. Масарика «Славяне после войны» (1923 г.), в котором он отстаивает тезис о том, что чехи и словаки составляют одну нацию с одним языком, в то время как представление о самостоятельной словацкой нации называется «фикцией» (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 86).

Частью тематического блока «Словакия в Чехословацкой Республике» также является тема «Правила демократической политики».²⁰ Повествование сосредоточено на функционировании парламентской демократии в Чехословацкой Республике, её институциональных основах, политической культуре и практических проблемах демократической системы в межвоенный период. В тексте подчеркивается формирование демократических правил после 1918 г., роль политических партий, парламента, правительства и Конституции, а также напряженность, возникшая из-за фрагментации политической сцены и различий в представлениях о содержании демократии.

Т.Г. Масарик предстает не как активный политический деятель, вовлеченный в повседневную партийную борьбу, а прежде всего как символ и идеологический гарант демократической системы. В учебнике он представлен как первый президент, или «президент-освободитель»,

20 Тематический блок «Словакия в Чехословацкой Республике» включает также темы «Борьба за автономию Словакии» и «Светлые и темные стороны ЧСР», в которых, однако, личность Т.Г. Масарика уже эксплицитно не фигурирует.

и в то же время как теоретик демократии, авторитет которого выходил за рамки обычных политических конфликтов²¹. Согласно авторскому пояснительному тексту, Т.Г. Масарик неоднократно избирался президентом и оставался в этой должности до 1935 г., когда из-за преклонного возраста его сменил на посту Э. Бенеш (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 88).

Демократические представления Т.Г. Масарика в рамках данной темы транслируются прежде всего через рубрику «Из исторических источников», а именно посредством отрывка из труда «Мировая революция». В нем Т.Г. Масарик трактует демократию как процесс, требующий «нового человека» и трансформации политических привычек, подчеркивая при этом необходимость отказа от насилия и последовательного соблюдения демократических правил (Letz R., Tonková M., Bocková A., 2021: 91).

В последующих тематических блоках учебника фигура Т.Г. Масарика более не встречается ни в прямой повествовательной или изобразительной форме, ни в рубриках с историческими источниками. Таким образом, акцент в представлении Т.Г. Масарика в данном учебнике сосредоточен прежде всего на периоде Первой мировой войны, возникновении республики и формировании её демократических основ.

* * *

Можно констатировать, что Т.Г. Масарик занимает стабильное место в современных словацких учебниках истории, однако способ его представления варьируется в зависимости от ступени обучения учащихся. В учебниках для основной школы Т.Г. Масарик представлен прежде всего как позитивная и символическая личность — основатель государства, носитель демократических ценностей и ключевой участник заграничного движения сопротивления. В гимназическом учебнике он выступает в более широком политическом и идеологическом контексте, что позволяет комплексно осмыслить его государственную деятельность, политические концепции и место в системе межвоенной демократии. Таким образом, школьные учебники транслируют образ Т.Г. Масарика дифференцированно, в соответствии с дидактическими целями и познавательными возможностями учащихся.

21 Составной частью темы является также иллюстративный материал в виде портрета Т.Г. Масарика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гоптова, Л., Рокина, Г.В. (2021). Изучение Первой мировой войны в школах и гимназиях Словацкой Республики // Преподавание военной истории в России и за рубежом : сборник статей. Выпуск 4. Под ред. К.А. Пахалюка. М., Спб.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество»; Нестор-История, С. 34–56.
- Kováč, D. Kratochvíl, V., Kamenec, I., Tkadlečková, H. (2020). Pátrame po minulosti: dejepis pre 9. ročník ZŠ a 4. ročník gymnázia s osemročným štúdiom. Bratislava: Orbis Pictus Istropolitana.
- Krasnovský, B., Bednárová, M., Ulrichová, B. (2011). Dejepis pre 8. ročník základnej školy a 3. ročník gymnázia s osemročným štúdiom. Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej.
- Letz, R., Tonková, M., Bocková, A. (2021). Dejepis pre 3. ročník gymnázií a stredných škôl. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo — Mladé letá, s. r. o. 287 s. ISBN 978-80-10-04026-1.
- Národný Inštitút Vzdelávania a Mládeže. (n.d.). Dejepis — gymnázium so štvorročným a päťročným vzdelávacím programom. Vzdelávací štandard. Available at: https://www.statpedu.sk/files/articles/dokumenty/inovovany-statny-vzdelavaci-program/dejepis_g_4_5_r.pdf (accessed 16.01.2026).
- Národný Inštitút Vzdelávania a Mládeže. (2014). Dejepis — nižšie stredné vzdelávanie. Vzdelávací štandard. Available at: https://www.statpedu.sk/files/articles/dokumenty/inovovany-statny-vzdelavaci-program/dejepis_nsv_2014.pdf (accessed 16.01.2026).

THE IMAGE OF T.G. MASARYK IN CONTEMPORARY SLOVAK HISTORY TEXTBOOKS

Luciána Hoptová

The Institute of History at the Faculty of Arts, Prešov University in Prešov;
Prešov, Slovakia; e-mail: luciana.hoptova@gmail.com

Abstract. This study analyzes the image of T.G. Masaryk in contemporary Slovak history textbooks for the 8th and 9th grades of basic schools, as well as for the 3rd grade of upper secondary schools. The presentation of his image in specific thematic sections is examined, and a comparative analysis of approaches to his portrayal across different educational levels is conducted. The results show that in basic school textbooks, T.G. Masaryk is constructed primarily as a symbolic, state-forming figure, while in the upper secondary school textbook, he is presented in a more in-depth political and ideological context. Attention is also paid to the use of historical sources and illustrative materials in shaping and conveying his image.

Keywords: Tomáš Garrigue Masaryk, history textbooks, foreign resistance movement, Czechoslovakia

CONTENTS

2026 Nº 1 (XXIX)

4	To the Reader
	László Szarka
5	National-State Arguments and the “New Europe”: Tomáš Garrigue Masaryk and the Establishment of the Czechoslovak State
	Elena Serapionova
28	T.G. Masaryk and his Activities during the First World War <i>(Based on Materials from the Archive of Russian Ministry of Foreign Affairs)</i>
	Mikhail Vedernikov
40	T.G. Masaryk and Russian Czechs
	Petr Moshechkov
53	T.G. Masaryk’s “Oppressed Nationalities” Project <i>(the second half of 1917 – the beginning of the 1918)</i>
	Taira Kitaeva
70	The Evolution of T.G. Masaryk’s Image in the Memory Politics of the Czechia and Slovakia
	Luciána Hoptová
81	The Image of T.G. Masaryk in Contemporary Slovak History Textbooks
97	ABOUT AUTHORS

НАШИ АВТОРЫ

Ведерников Михаил Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН.

Гоптова Луциана — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Философского факультета Прешовского университета в Прешове (Словакия).

Китаева Таира Сергеевна — студентка магистратуры МГИМО МИД России.

Мошечков Петр Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.

Сарка Ласло — Dr., Rubicon Institute (Будапешт, Венгрия); Почетный профессор Университета им. Яноша Шейе (Комарно, Словакия).

Серапионова Елена Павловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.

OUR AUTHORS

Hoptová Luciána — Researcher at the Institute of History of the Faculty of Philosophy of Prešov University in Prešov (Slovakia).

Kitaeva Taira — 1st year master's student at the Moscow State Institute of International Relations.

Moshechkov Petr — Research Fellow at the Department of the History of the Slavic Peoples during the World Wars at the Institute of Slavic Studies of the RAS.

Szarka László — Dr., Rubicon Institute (Budapest, Hungary); Professor Emeritus University of Janos Selye (Komárno, Slovakia).

Serapionova Elena — Leading Research Fellow and Head of the Department of the History of Slavic Peoples during the World Wars at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Vedernikov Mikhail — Leading Research Fellow at the Department of Central and Eastern European Studies at the Institute of Europe of the RAS.